„Гіров 49“

КРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

хъ странъ, соединяйтесь!

1 ник
РСДРП
Конфер

ПРОЕКТЪ ПРОГРАММЫ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

1903
Типографія «Искры».

Пров 49

РОСС. СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Проектъ Программы
РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проектъ программы Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи . . . . . .

Проектъ программы Россійской Соціалдемократической Партіи. Г. Плеханова . . . . . .

Аграрная программа Русской Соціалдемократіи .

1903
Типографія «Искры».

„Пров 38"
„Пров 40"
84

225577

ПРОЕКТЪ ПРОГРАММЫ
РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

Развитіе обмѣна установило такую тѣсную связь между всѣми народами цивилизованнаго міра, что великое освободительное движеніе пролетаріата должно было стать и давно уже стало международнымъ.

Считая свою Партію однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи пролетаріата, русская соціалдемократія преслѣдуетъ ту же конечную цѣль, къ которой стремятся соціалдемократы всѣхъ другихъ странъ.

Эта конечная цѣль опредѣляется характеромъ буржуазнаго общества и ходомъ его развитія. Главную особенность такого общества составляетъ товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, при которыхъ самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ принадлежитъ небольшому по своей численности классу лицъ, между тѣмъ, какъ огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ, вынужденныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ постоянно или періодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать въ наемники къ капиталистамъ и своимъ трудомъ создавать доходъ высшихъ классовъ общества.

Область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній все болѣе и болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ постоянное усовершенствованіе техники, увеличивая хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій, ведетъ къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей, превращая часть ихъ въ пролетаріевъ, съуживая роль остальныхъ въ общественно-экономической жизни и мѣстами ставя ихъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ капитала.

Тотъ-же техническій прогрессъ даетъ, кромѣ того, предпринимателямъ возможность все въ большихъ размѣрахъ примѣнять женскій и дѣтскій трудъ въ процессѣ производства и обращенія товаровъ. А такъ какъ, съ другой стороны, онъ приводитъ къ относительному уменьшенію потребности предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ, то спросъ на рабочую силу необходимо отстаетъ отъ ея предложенія, вслѣдствіе чего увеличивается зависимость наемнаго труда отъ капитала и повышается уровень его эксплуатаціи.

Такое положеніе дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся взаимное ихъ соперничество на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ. Перепроизводство, проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ промышленныхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя, представляетъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ. Кризисы и періоды промышленнаго застоя, въ свою очередь, еще болѣе раззоряютъ мелкихъ производителей, еще болѣе увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса.

Такимъ образомъ, усовершенствованіе техники, означающее увеличеніе производительности труда или ростъ общественнаго богатства, обусловливаетъ собою въ буржуазномъ обществѣ возрастаніе общественнаго неравенства, увеличеніе разстоянія между имущими и неимущими и ростъ необезпеченности существованія, безработицы и разнаго рода лишеній для все болѣе широкихъ слоевъ трудящихся массъ.

Но по мѣрѣ того, какъ растутъ и развиваются всѣ эти противорѣчія, свойственныя буржуазному обществу, растетъ также недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующимъ порядкомъ вещей, растетъ число и сплоченность пролетаріевъ и обостряется ихъ борьба съ ихъ эксплуататорами. Въ то же время усовершенствованіе техники, концентрируя средства производства и обращенія и обобществляя процессъ труда въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, все быстрѣе и быстрѣе создаетъ матеріальную возможность замѣны капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалисти-

ческими — т. е. той соціальной революціи, которая представляетъ собою конечную цѣль всей дѣятельности международной соціалдемократіи, какъ сознательной выразительницы классоваго движенія пролетаріата.

Замѣнивъ частную собственность на средства производства и обращенія общественною и введя планомѣрную организацію общественно-производительнаго процесса для обезпеченія благосостоянія и всесторонняго развитія всѣхъ членовъ общества, соціальная революція пролетаріата уничтожитъ дѣленіе общества на классы и тѣмъ освободитъ все угнетенное человѣчество, такъ какъ положитъ конецъ всѣмъ видамъ эксплуатаціи одной части общества другою.

Необходимое условіе этой соціальной революціи составляетъ диктатура пролетаріата, т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ.

Ставя себѣ задачу сдѣлать пролетаріатъ способнымъ выполнить свою великую историческую миссію международная соціалдемократія организуетъ его въ самостоятельную политическую партію, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, руководитъ всѣми проявленіями его классовой борьбы, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ интересамъ эксплуатируемыхъ и выясняетъ ему историческое значеніе и необходимыя условія предстоящей соціальной революціи Вмѣстѣ съ тѣмъ, она обнаруживаетъ предъ всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ея положенія въ капиталистическомъ обществѣ и необходимость соціальной революціи въ интересахъ ея собственнаго освобожденія отъ гнета капитала. Партія рабочаго класса, соціалдемократія, зоветъ въ свои ряды всѣ слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія, поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата.

На пути къ ихъ общей конечной цѣли, обусловленной господствомъ капиталистическаго способа производства во всемъ цивилизованномъ мірѣ, соціалдемократы разныхъ странъ вынуждены ставить себѣ неодинаковыя ближайшія задачи какъ потому, что этотъ способъ не вездѣ развитъ въ одинаковой степени, такъ и потому, что его развитіе въ разныхъ странахъ совершается въ различной соціально-политической обстановкѣ.

Въ Россіи, гдѣ капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства, на каждомъ шагу встрѣчаются еще остатки нашего стараго, до-капиталистическаго общественнаго порядка, который основывался на закрѣпощеніи трудящихся массъ помѣщикамъ, государству или главѣ государства. Въ сильнѣйшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускаютъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата, содѣйствуютъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи многомилліоннаго крестьянства государствомъ и имущими классами и держатъ въ темнотѣ и безправіи весь народъ.

Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ этихъ пережитковъ и самымъ могучимъ оплотомъ всего этого варварства является царское самодержавіе. По самой природѣ своей оно враждебно всякому общественному движенію и не можетъ не быть злѣйшимъ противникомъ всѣхъ освободительныхъ стремленій пролетаріата.

Поэтому, Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія ставитъ своей ближайшей политической задачей низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его республикой на основѣ демократической конституціи, обезпечивающей:

1. Самодержавіе народа, т. е. сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ представителей народа;

2. Всеобщее равное и прямое избирательное право при выборахъ, какъ въ законодательное собраніе, такъ и во всѣ органы мѣстнаго самоуправленія для всякаго гражданина, достигшаго 20 лѣтъ; тайное голосованіе при выборахъ; право каждаго избирателя быть избраннымъ во всѣ представительныя собранія; жалованье народнымъ представителямъ;

3. Неприкосновенность личности и жилища гражданъ;

4. Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ;

5. Свободу передвиженія и промысловъ;

6. Уничтоженіе сословій и полную равноправность всѣхъ гражданъ независимо отъ пола, религіи и расы;

7. Признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства;

8. Предоставленіе всякому гражданину права преслѣдовать всякаго чиновника предъ судомъ безъ жалобы по начальству;

9. Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа;

10. Отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви;

11. Даровое и обязательное общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16-ти лѣтъ. Снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства.

Какъ основныхъ условій демократизаціи нашего государственнаго хозяйства, Российская соціалъ-демократическая Рабочая Партія требуетъ замѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленія прогрессивнаго подоходнаго налога на доходы и наслѣдства.

Въ интересахъ охраны рабочаго класса отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также и въ интересахъ развитія его способности къ освободительной борьбѣ, партія требуетъ:

1. Ограниченія рабочаго дня 8-ью час. въ сутки для всѣхъ наемныхъ рабочихъ;

2. Установленія закономъ еженедѣльнаго отдыха, непрерывно продолжающагося не менѣе 36 часовъ для наемныхъ рабочихъ обоего пола во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства.

3. Полнаго запрещенія сверхурочныхъ работъ;

4. Воспрещенія ночнаго труда (отъ 9 час. вечера до 5 ч. утра) во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ онъ безусловно необходимъ по техническимъ соображеніямъ, одобреннымъ рабочими организаціями;

5. Воспрещенія предпринимателямъ пользоваться наемнымъ трудомъ дѣтей до 16-лѣтняго возраста;

6. Воспрещенія женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онъ вреденъ для женскаго организма; освобожденіе роженицъ отъ работы въ теченіе 2-хъ недѣль до и 4-хъ недѣль послѣ родовъ.

7. Установленія закономъ гражданской отвѣтственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности къ труду, происшедшую вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ или вредныхъ условій производства, и освобожденія рабочаго отъ обязательства доказывать, что потеря эта произошла по винѣ капиталиста;

8. Воспрещенія выдачи заработной платы товарами; установленія еженедѣльнаго срока расплаты по всѣмъ договорамъ о наймѣ рабочихъ и выдачи заработка въ рабочее время;

9. Выдачи государственной пенсіи престарѣлымъ рабочимъ;

10. Увеличенія числа фабричныхъ инспекторовъ; назначенія инспектрисъ въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ преобладаетъ женскій трудъ; надзора выбранныхъ рабочими и оплаченныхъ государствомъ представителей за исполненіемъ фабричныхъ законовъ, а также за составленіемъ расцѣнокъ и браковкой товаровъ;

11. Надзора органовъ мѣстнаго самоуправленія, съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ, за санитарнымъ состояніемъ жилыхъ помѣщеній, отводимыхъ рабочимъ предпринимателями, равно какъ за внутреннимъ распорядкомъ этихъ помѣщеній и за условіями отдачи ихъ въ наймы, — въ цѣляхъ огражденія наемныхъ рабочихъ отъ вмѣшательства предпринимателей въ жизнь и дѣятельность ихъ, какъ частныхъ лицъ и какъ гражданъ;

12 Учрежденія правильно организованнаго санитарнаго надзора во всѣхъ предпріятіяхъ, употребляющихъ наемный трудъ, и безплатной медицинской помощи для рабочихъ за счетъ предпринимателей;

13. Распространенія надзора фабричной инспекціи на всѣ отрасли народнаго хозяйства и на всѣ предпріятія, употребляющія наемный трудъ, не исключая и казенныхъ;

14. Установленія уголовной отвѣтственности нанимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда;

15. Запрещенія предпринимателямъ производить денежные вычеты изъ заработной платы по какому-бы поводу и для какого-бы назначенія они ни дѣлались (штрафы, браковка и проч.);

16. Учрежденія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства промысловыхъ судовъ, составленныхъ поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей;

17. Возложенія на органы мѣстнаго самоуправленія обязанности учредить посредническія конторы по найму мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ (биржи труда) во всѣхъ отрасляхъ производства съ участіемъ въ ихъ управленіи представителей отъ рабочихъ организацій.

Въ цѣляхъ же устраненія остатковъ крѣпостного порядка,

тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ Партія будетъ добиваться:

1. Отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе;

2. Отмѣны круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей;

3. Возвращенія народу денежныхъ суммъ, взятыхъ съ него въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей; конфискаціи съ этой цѣлью монастырскихъ имуществъ и удѣльныхъ имѣній; а равно обложенія особымъ налогомъ земель крупныхъ землевладѣльцевъ дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращенія суммъ, добытыхъ этимъ путемъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ;

4. Учрежденія крестьянскихъ комитетовъ: а) для возвращенія сельскимъ обществамъ (посредствомъ экспропріаціи или — въ томъ случаѣ, если земли перешли изъ рукъ въ руки, — выкупа государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія) тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія; б) для устраненія остатковъ крѣпостныхъ отношеній, уцѣлѣвшихъ на Уралѣ, на Алтаѣ, въ Западномъ Краѣ и въ другихъ областяхъ государства;

5. Предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ.

Стремясь къ достиженію своихъ ближайшихъ политическихъ и экономическихъ цѣлей, Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка, рѣшительно отвергая въ то же время всѣ тѣ реформаторскіе проэкты, которые связаны съ какимъ-бы то ни было расширеніемъ или упроченіемъ полицейско-чиновничьей опеки надъ трудящимися классами.

Съ своей стороны, Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія твердо убѣждена въ томъ, что полное, послѣдо-

в тельное и прочное осущес вленіе указанныхъ по ит ческихъ и соціальныхъ преобразованій достижимо лишь п темъ низверженія царскаго самодержавія и созыва учредительнаго собранія, с ободно избраннаго всѣмъ нар домъ.

* * *

Намъ нечего здѣсь распространяться о томъ, каково значеніе программы въ дѣятельности политической партіи. Только объединенная общей программой партія можетъ вести планомѣрную и плодотворную работу въ интересахъ дѣла, которому служитъ; только формулировавъ въ стройной программѣ свое общее социально-политическое мировоззрѣніе и предъявляемыя ею къ современному обществу политическія требованія, партія пролетаріата можетъ вести глубо ую и успѣшную пропаганду революціоннаго соц ализма и внести объединяющую струю въ широкое народное движеніе противъ существующаго строя. Безъ политической программы нѣтъ еще, строго говоря, политич ской партіи, имѣются на лицо только элементы слагающейся партіи.

Русское соціалдемократическое движеніе, такъ неудержимо широко разлившееся за послѣдніе годы и въ силу этой самой широты своего развитія пережившее такъ много внутреннихъ кризисовъ,—русское соціалдемокра ическое движеніе уже давно стоитъ передъ неотложной задачей дѣйствительнаго партійнаго объединенія. Не рѣшивъ этой задачи, оно рискуетъ потерять уже завоеванную имъ позицію въ русской общественной жизни — къ невыгодѣ, какъ для интересовъ пролетаріата, такъ и для дѣла русской свободы.

«Прежде чѣмъ объединиться, намъ необходимо сначала размежеваться», писала «Искра» полтора года тому назадъ при первомъ своемъ выступленіи передъ читателями. Появившись въ моментъ одного изъ самыхъ глубокихъ внутреннихъ кризисовъ, переживающихся нашимъ движеніемъ, «Искра» и «Заря» должны были выдвинуть на первый планъ задачу подготовленія элементовъ единства въ нашей партіи путемъ идейной борьбы за очищеніе пролетарскаго движенія отъ всѣхъ чуждыхъ, историческими судьбами принесенныхъ въ него, элементовъ.

Поскольку упомянутый идейный кризисъ, переживавшійся

движеніемъ, начинаетъ, видимо, приходить къ концу, поскольку логика революціонной борьбы сильнѣе логики печатнаго слова внѣдряетъ въ сознаніе временно-забытыя истины революціонной соціалдемократіи, постольку мы можемъ надѣяться на близость окончательнаго объединенія партіи. И мы думаемъ, что процессъ выработки партійной программы самъ по себѣ сдѣлаетъ много для этого окончательнаго объединенія.

Программа партіи должна выражать коллективную мысль партіи. Это значитъ, что въ выработкѣ ея должны принять участіе всѣ дѣйствующія группы партіи. И обсужденіе предлагаемаго проекта въ разныхъ группахъ и кружкахъ должно послужить прекрасной школой политическаго воспитанія для мѣстныхъ дѣятелей.

Печатая свой проектъ, мы разсчитываемъ на то, что каждый соціалдемократическій комитетъ, каждый рабочій кружокъ, каждая примыкающая къ соціалдемократіи группа интеллигентовъ сочтутъ своимъ долгомъ обсудить его и въ той или иной формѣ опредѣлить свое отношеніе къ нему. Мы просимъ товарищей не медлить съ этимъ дѣломъ, ибо на II съѣздѣ партіи, необходимость созыва котораго при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можетъ представиться каждую минуту, программа партіи должна быть утверждена.

Всѣ критическія замѣчанія, проекты поправокъ резолюціи и т. п., присланные въ нашу редакцію, будутъ по мѣрѣ возможности, печататься въ «Искрѣ» или «Зарѣ», все-же, не нашедшее себѣ мѣста въ печати, будетъ нами представлено на II съѣздъ партіи.

Въ рядѣ статей въ «Зарѣ» и «Искрѣ» мы разсчитываемъ дать подробную обосновку предлагаемаго нами проекта.

(«Искра», № 21.)

ПРОЕКТЪ ПРОГРАММЫ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ.

Соціалдемократическое ученіе широко распространилось въ Россіи. Соціалдемократы, на которыхъ всего лѣтъ десять тому назадъ русскіе соціалисты старой «манеры» смотрѣли, какъ на чудаковъ, непонимающихъ «закона экономическаго развитія» нашей страны, могутъ съ гордостью сказать теперь, что они господствуютъ въ русской революціонной средѣ, и что всѣ выдающіяся явленія современной русской экономической жизни представляютъ собою яркое и неопровержимое доказательство справедливости ихъ взгляда на «законъ» ея развитія. Горсточка «чудаковъ» разрослась въ большую и вліятельную партію. И какъ бы ни были велики тѣ разногласія, которыя разрываютъ ее время отъ времени; какъ бы ни были тяжелы тѣ многочисленныя потери, которыя приходится нести ей вслѣдствіе безпрерывныхъ и ожесточенныхъ правительственныхъ преслѣдованій, всѣмъ и каждому теперь ясно, что нѣтъ въ русской имперіи такой силы, которая могла бы искоренить нашу соціалдемократію. Россійская соціалдемократическая партія является теперь неустранимымъ факторомъ соціально-политической жизни Россіи. Обстоятельства складываются чрезвычайно благопріятно для нея. Весь вопросъ въ томъ, какъ съумѣетъ она воспользоваться ими. На этотъ вопросъ отвѣтитъ будущее. Но уже въ настоящее время можно, ни мало не рискуя ошибаться, указать тѣ условія, которыя непремѣнно должны быть на лицо для того, чтобы она поднялась на высоту своей задачи. Такихъ условій два: одно изъ нихъ называется крѣпкой боевой организаціей, а другое — стройной и послѣдовательной программой.

Теперь уже никто изъ нашихъ товарищей не сомнѣвается въ необходимости крѣпкой организаціи того типа, который существовалъ въ Россіи во второй половинѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ (организаціи общества „Земля и Воля“ и партіи „Народной Воли“), и который оказалъ тогдашнимъ русскимъ революціонерамъ такія огромныя, неоцѣненныя услуги. Теперь,—если мы не ошибаемся,—споры ведутся лишь о томъ, какой путь приведетъ насъ къ созданію организаціи этого типа. Не то съ программой: ея значеніе въ жизни и дѣятельности партіи сознается съ гораздо меньшею ясностью. Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей и теперь еще охотно повторяютъ тѣ слова Маркса, что одинъ дѣйстви-

тельный шагъ въ рабочемъ движеніи важнѣе цѣлой дюжины программъ. Но эти наши товарищи,—принадлежащіе къ числу такъ называемыхъ практиковъ, — вкладываютъ здѣсь въ слова Маркса не тотъ смыслъ, какой они у него имѣли. Что Марксъ—равно какъ и его неизмѣнный другъ Энгельсъ — не былъ и не могъ быть равнодушенъ къ програмнымъ вопросамъ, это понимаетъ всякій, кто хоть немного освоился съ научнымъ соціализмомъ и выяснилъ себѣ ту роль, которая отводится въ немъ воздѣйствію сознательныхъ элементовъ рабочаго класса на его отсталые элементы. Пусть „практики" вдумаются, напримѣръ, въ нижеслѣдующія строки.

„Коммунисты отличаются отъ другихъ рабочихъ партій тѣмъ, что съ одной стороны въ движеніи пролетаріевъ разныхъ націй они выдѣляютъ и отстаиваютъ общіе, независимые отъ національности интересы всего пролетаріата; съ другой стороны—тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ съ буржуазіей, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ. Такимъ образомъ коммунисты на практикѣ представляютъ собою самую рѣшительную, всегда впередъ стремящуюся часть рабочихъ партій всѣхъ странъ, а въ теоретическомъ отношеніи они имѣютъ передъ остальной массой пролетаріата то преимущество, что понимаютъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія". *)

Этихъ строковъ никакъ нельзя истолковать въ смыслѣ столь любезнаго „практикамъ" всѣхъ странъ противопоставленія дѣйствительныхъ успѣховъ движенія программамъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы выдѣлить общіе, независимые отъ національности интересы всего пролетаріата, необходимо знать, въ чемъ они заключаются; а это невозможно для того, кто не выяснилъ себѣ условія, хода и общихъ результатовъ рабочаго движенія, т. е. для того, кто равнодушенъ къ „теоріи". Еще менѣе способенъ былъ бы такой человѣкъ опредѣлить и отстоять общіе интересы этого движенія, въ его цѣломъ, на всѣхъ стадіяхъ его развитія. Такимъ образомъ, согласно Марксу, коммунистъ (по нынѣшнему — соціалдемократъ) въ своей практической дѣятельности необходимо долженъ опираться на теорію. Но что такое эта теорія, безъ которой ни одному „практику" нельзя ступить почти ни одного шагу? Отвѣтъ ясенъ. Кто хорошо понялъ условія, тотъ выработалъ себѣ полную и послѣдовательную коммунистическую (соціалдемократическую) программу, потому что такой программой называется ни что иное, какъ совокупность руководящихъ взглядовъ, относящихся къ указаннымъ предметамъ. Слѣдовательно,—опять таки по Марксу.—коммунисты (соціалдемократы) отличаются отъ другихъ рабочихъ партій (напримѣръ, хоть

*) Манифестъ Коммунистической партіи, Женева 1900, стр 16 — 17

отъ „чистыхъ“ трэдъ-юніонистовъ) именно тѣмъ, что они имѣютъ программу, охватывающую весь ходъ рабочаго движенія, взятаго въ его цѣломъ, и постоянно руководствуются этой программой въ своей практической дѣятельности. *) Иначе сказать: отличительная черта коммунистовъ (соціалдемократовъ) именно въ томъ и заключается, что у насъ „практика“ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ „теоріей“, и что эта тѣснѣйшая связь находитъ свое естественное и прямое выраженіе въ программѣ. Если-же это такъ,—а это въ самомъ дѣлѣ такъ,—то въ глазахъ Маркса противопоставленіе дѣйствительныхъ успѣховъ движенія программамъ пріобрѣтало смыслъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о программѣ такихъ группъ (или партій), которыя еще не пользуются ровно никакимъ вліяніемъ на умы рабочихъ: дѣйствительные успѣхи рабочаго движенія ни мало не зависятъ отъ программъ такихъ партій (или группъ). Но какъ только рабочіе начинаютъ прислушиваться къ ихъ голосу и подчиняться ихъ вліянію,—ихъ программы тотчасъ же пріобрѣтаютъ практическое значеніе, и тогда онѣ начинаютъ входить въ число тѣхъ условій, отъ которыхъ зависятъ дѣйствительные успѣхи рабочаго движенія, а потому противопоставленіе имъ этихъ успѣховъ дѣлается тогда совершенно неумѣстнымъ и логически невозможнымъ. **)

---

*) Мы не теоретики, нашъ планъ—не планъ мечтателей, а планъ вполнѣ осуществимый,—такъ говорила въ своемъ заявленіи Сѣверо-Американская Ассоціація рабочихъ желѣзныхъ, стальныхъ и жестяныхъ заводовъ наканунѣ большой стачки 1901 года. Понесенное ею жестокое пораженіе показало, что ея «вполнѣ осуществимый» планъ былъ на самомъ дѣлѣ не вполнѣ «осуществимъ», и что пренебрежительное отношеніе къ «теоріи» не проходитъ даромъ для пролетаріата нашихъ дней.

**) Намъ возразятъ, можетъ быть, что замѣчаніе Маркса насчетъ маловажности программъ сравнительно съ дѣйствительными успѣхами движенія находится въ письмѣ, написанномъ по поводу соединенія эйзенахцевъ съ лассальянцами, т. е. относится къ тому времени, когда программы нѣмецкихъ соціалистовъ пріобрѣли уже очень серьезное вліяніе на рабочихъ. Это такъ. И отсюда выходитъ, повидимому, что даже и въ этомъ случаѣ Марксъ считалъ возможнымъ противопоставлять дѣйствительные успѣхи рабочаго движенія программамъ. Но почему Марксъ написалъ свое, теперь знаменитое письмо о тогдашнемъ проектѣ программы нѣмецкой соціалдемократіи? Почему онъ такъ горячо критиковалъ этотъ проектъ въ своемъ письмѣ? Почему онъ думалъ, что лучше не соединиться съ лассальянцами, чѣмъ дѣлать имъ уступки, непозволительныя въ принципіальномъ отношеніи? Ясно—почему: потому, что программа нѣмецкой соціалдемократіи уже была тогда въ его глазахъ очень важнымъ условіемъ дѣйствительныхъ успѣховъ нѣмецкаго рабочаго движенія, и что равнодушное отношеніе къ программѣ,—сопровождающееся обыкновенно очень большой

Такъ представляется отношеніе между «теоріей» и «практикой» съ точки зрѣнія правильно понятаго марксизма. Людвигъ Фейербахъ писалъ когда-то: «Что такое теорія, что практика? Теорія, это—то, что остается въ одной моей головѣ; практика, это—то, что проникаетъ въ головы многихъ. То, что объединяетъ многія головы, создаетъ массу, распространяется и завоевываетъ себѣ мѣсто въ мірѣ». Все ученіе и вся дѣятельность Маркса показываетъ, что въ этомъ отношеніи онъ до самой смерти своей былъ вполнѣ согласенъ съ Фейербахомъ.

II

Да и не одинъ Марксъ былъ съ нимъ согласенъ. Съ нимъ—сознательно или безсознательно—соглашались также и всѣ тѣ, которые отстаивали существующій порядокъ вещей и видѣли въ успѣхахъ соціалистическаго движенія величайшую угрозу цивилизаціи. Идеологи господствующихъ классовъ издавна умѣли цѣнить значеніе тѣхъ теорій, которыя оправдывали эксплуатацію одною части общества другой. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что господствующая церковь и оффиціальная общественная наука всегда и вездѣ играли роль такихъ теорій. Современная намъ буржуазія тоже очень недурно понимаетъ, какую огромную важность имѣютъ соціально-политическія теоріи для соціально-политической практики. Это доказывается,—если еще нужно доказывать это,—тѣмъ походомъ, который она предприняла теперь противъ революціоннаго соціализма подъ предлогомъ «критики» теоріи Маркса. Буржуазные ученые, подобные Шульце-Геверницу, Геркнеру, Георгу Адлеру, Вернеру Зомбарту и прочей братіи того же рода, сочли своимъ гражданскимъ долгомъ выступить въ «критическій» походъ противъ марксизма именно потому, что оцѣнили колоссальное практическое значеніе этой теоріи. Они увидѣли, что марксизмъ «объединяетъ» теперь милліоны головъ; что онъ быстро и широко «распространяется» теперь между пролетаріями; что онъ «создаетъ массу» и готовится «завоевать себѣ мѣсто въ мірѣ». И вотъ, полные страха за судьбу дорогого имъ общественнаго порядка, они взялись за «критику» марксова ученія, чтобы удалить изъ него его революціонное содержаніе и убѣдить пролетаріевъ въ томъ, что, вопреки упрямымъ догматикамъ, соціализмъ очень хорошо можетъ существовать и даже развиваться бокъ о бокъ съ капитализмомъ. Этому же достохвальному мотиву повиновались и русскіе «боги меньшаго калибра», ополчаясь на брань съ «ортодоксіей», всѣ эти гг. Струве, Булгаковы, Туганъ-Барановскіе, Прокоповичи, Бердяевы, Франки и прочіе глубокомысленные и многоглаголовые «крити-

---

уступчивостью,—казалось ему крайне вреднымъ. Правда уступчивость «практиковъ» не принесла тогда всѣхъ тѣхъ, вредныхъ послѣдствій, какихъ опасался Марксъ. Но это уже вопросъ посторонній, насъ здѣсь не касающійся.

ческіе» подмастерья, имена же ихъ ты, Господи, вѣси. Несмотря на огромную дозу всѣмъ имъ свойственной наивности, эти господа прекрасно понимаютъ практическій смыслъ своихъ теоретическихъ усилій. Идеологи той поставленной части русской буржуазіи, которая стремится европеизировать свои взгляды, но не хочетъ и не можетъ перейти на точку зрѣнія пролетаріата, они «критикуютъ» ученіе Маркса для того, чтобы превратить его изъ орудія освобожденія рабочаго класса,—какимъ оно вездѣ и неизмѣнно было до сихъ поръ,—въ орудіе политической эмансипаціи русскаго «средняго сословія». И какъ ни жалки сами по себѣ теоретическіе результаты подобной «критики», все таки надо признать, что въ извѣстномъ смыслѣ они весьма полезны для дѣла буржуазіи. Гг. «критики» могутъ утѣшать себя тѣмъ, что ихъ усилія не пропадаютъ даромъ. Очень ошиблись тѣ изъ нашихъ товарищей, которые думали, что «критика» марксизма есть чисто литературное явленіе, и которые поэтому не придавали значенія теоретической борьбѣ съ нею. Кому же не извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что вліяніе «критики» распространялось у насъ иногда даже на совершенно искреннихъ сторонниковъ пролетаріата, которые, къ большему вреду для своего собственнаго дѣла, обнаруживали готовность покинуть, какъ «устарѣлыя», многія важнѣйшія положенія научнаго соціализма? Эти соціалистическія жертвы буржуазной «критики» въ большинствѣ случаевъ кончали тѣмъ, что сознавали свои заблужденія. И это, разумѣется, дѣлаетъ честь ихъ собственной критической мысли. Но это въ лучшемъ случаѣ только уменьшаетъ вредъ, нанесенный нашей партіи ихъ, хотя бы и временными, колебаніями.

Всякому свое дорого. Чѣмъ болѣе усердствуютъ въ своей, будто бы критической, работѣ ученые, полуученые и совсѣмъ невѣжественные идеологи крупной и мелкой буржуазіи, тѣмъ серьезнѣе должны относиться къ соціалистической теоріи всѣ тѣ, которымъ не на словахъ только дороги интересы пролетаріата. Въ такое время, когда буржуазная интеллигенція на всѣ голоса кричитъ о «соціальномъ мирѣ» и на всѣ лады доказываетъ, что соціализмъ всегда останется не болѣе, какъ великодушной утопіей, интеллигенція пролетаріата обязана съ удесятеренной энергіей отстаивать идею классовой борьбы и убѣждать рабочихъ какъ въ исторической неизбѣжности соціальной революціи, такъ и въ практической осуществимости соціалистическихъ требованій. А чтобы выполнить эту задачу, она должна окончательно раздѣлаться со всѣми предразсудками узкихъ «практиковъ» и всецѣло проникнуться сознаніемъ первостепенной практической важности теоретическихъ вопросовъ вообще и программныхъ вопросовъ въ частности. Соотношеніе умственныхъ силъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ таково, что соціалдемократамъ слѣдуетъ, какъ можно чаще, припоминать слова Мефистофеля:

„Начни только презирать разумъ и науку—
Эти высшія силы человѣка—

Позволь только духу лжи увлечь тебя
Въ міръ призраковъ и чудесъ—
И ты уже мой безвозвратно."

„Если нѣтъ худа безъ добра, то нѣтъ добра безъ худа". Соціалдемократическія идеи чрезвычайно быстро распространялись у насъ, начиная со второй половины девяностыхъ годовъ. Это чрезвычайно умножило наши силы. Но это же привело и къ тому, что вмѣстѣ съ сознательными товарищами въ нашихъ рядахъ оказалось очень много такихъ новобранцевъ, которые далеко еще не усвоили себѣ нашего ученія въ его цѣломъ, въ значительной степени сохранивъ взгляды, унаслѣдованные отъ предъидущихъ эпохъ нашего движенія и являющіеся теперь вреднымъ анахронизмомъ. Неудивительно, что такіе новобранцы невольно и незамѣтно для себя вносили въ нашу среду довольно таки порядочную путаницу понятій. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, пересматривая свой умственный багажъ, они замѣчали, что многіе ихъ взгляды не соотвѣтствуютъ ихъ новой, соціалдемократической точкѣ зрѣнія, и старалися отъ нихъ отдѣлаться, они по весьма естественной реакціи преувеличивали отличительныя черты своего новаго міросозерцанія, доходя до непозволительныхъ и смѣшныхъ крайностей. При внимательномъ отношеніи къ «программамъ» со стороны болѣе опытныхъ товарищей все это,—при данныхъ обстоятельствахъ неизбѣжное, но тѣмъ не менѣе очень вредное,—шатаніе мыслей могло бы быть прекращено довольно скоро. Но «старики» сами были подчасъ не такъ чтобы ужь очень сильны въ теоріи и мало дорожили ею; поэтому архаизмы и уродливыя крайности надолго оставались неприкосновенными, а иногда гордо и смѣло выступали, именуя себя «новыми теченіями» въ русской соціалдемократіи. Что такое положеніе дѣлъ чрезвычайно сильно препятствовало дальнѣйшимъ успѣхамъ нашей партіи, это знаетъ всякій, кто слѣдилъ за ея жизнью въ продолженіе послѣдняго пятилѣтія.

И такъ, невнимательное отношеніе русскихъ соціалдемократовъ къ теоретическимъ и программнымъ вопросамъ ведетъ за собою то, что даже ея успѣхи отчасти становятся источникомъ ея слабости. Это продолжаться не должно; этому надо положить конецъ. Тѣмъ болѣе надо, что въ будущемъ наше господство въ русской революціонной средѣ не можетъ оставаться такимъ же неоспоримымъ, какимъ оно было въ послѣдніе годы. Растущая волна политическаго недовольства выноситъ на арену оппозиціоннаго и даже революціоннаго движенія такіе общественные элементы, которые по самой природѣ своей не могутъ сочувствовать соціалдемократіи. Эти элементы непремѣнно будутъ сплачиваться въ особыя отъ нашей партіи организаціи и по свойственному всякой организаціи инстинкту самосохраненія, будутъ стараться отстаивать свою собственную точку зрѣнія и ослаблять вліяніе соціалдемократической пропаганды. По нѣкоторымъ недвусмысленнымъ признакамъ уже теперь можно предвидѣть, въ какую парадоксальную форму облечется

на практикѣ это стремленіе: съ одной стороны на насъ будутъ нападать во имя свободы и пользы критики, а съ другой—каждую нашу критическую статью будутъ ставить намъ въ вину, указывая на необходимость объединенія всѣхъ революціонныхъ направленій. Какъ неизбѣжный результатъ такой, повидимому, противорѣчивой, но въ сущности вполнѣ послѣдовательной и цѣлесообразной тактики, получится новая и еще большая путаница понятій, чрезвычайно полезная для враждебныхъ намъ организацій и крайне не выгодная для насъ. Съ этой путаницей мы вынуждены будемъ бороться, даже если бы теперь мы пока еще и не хотѣли этого. Но единственнымъ и незамѣнимымъ средствомъ борьбы съ нею является заботливое охраненіе нашихъ собственныхъ теоретическихъ позицій, старательное выясненіе себѣ и другимъ всѣхъ особенностей нашей программы.

«Наша задача—говорилъ органъ Маркса и Энгельса, журналъ «Новая Рейнская Газета», въ апрѣлѣ 1850 года,—состоитъ въ безпощадной критикѣ, направляемой даже болѣе противъ нашихъ мнимыхъ друзей, чѣмъ противъ нашихъ явныхъ враговъ; и, занимая такую позицію, мы съ удовольствіемъ отказываемся отъ дешевой демократической популярности».

Намъ, русскимъ соціалдемократамъ, не приходится отказываться отъ «демократической популярности» по то простой причинѣ, что мы составляемъ теперь уже не меньшинство, а огромное большинство въ нашей революціонной средѣ. Но, разумѣется, мы должны были бы отказаться отъ нея, если бы это стало нужно въ интересахъ нашего дѣла. Во всякомъ случаѣ задача безпощадной критики мнимыхъ друзей рабочаго класса стоитъ и передъ нами теперь, какъ она стояла передъ основателями научнаго соціализма болѣе полувѣка тому назадъ. А для ея рѣшенія необходима ясная теорія, послѣдовательная программа.

III

Недостаточно внимательное отношеніе къ «программамъ», сказалось у насъ, между прочимъ, и въ томъ достойномъ замѣчанія обстоятельствѣ, что единственнымъ печатнымъ проектомъ программы русской соціалдемократіи былъ до сихъ поръ проектъ, выработанный группой «Освобожденіе Труда» въ 1884 году и опубликованный въ 1885 году. Да и этотъ единственный печатный проэктъ не былъ, насколько мы знаемъ, открыто принятъ ни одной изъ дѣйствующихъ въ Россіи организацій, хотя в сѣ серьезныя русскія соціалдемократическія организаціи дѣйствовали въ его духѣ. Программа группы «Освобожденіе Труда» и до сихъ поръ не можетъ быть названа устарѣлой. Правда, въ ней есть два пункта, которые,—какъ замѣтилъ недавно польскій «Соціалдемократическое Обозрѣніе»,—не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія «ортодоксальнаго» марксизма: прямое народное законодательство и государственная помощь производительнымъ товариществамъ рабочихъ во всѣхъ

отрасляхъ нашего народнаго хозяйства. Но это—зло не столь большой руки, потому что его очень легко было бы поправить. „Обозрѣніе“ прибавляетъ, что эти два требованія еще очень недавно фигурировали даже въ германской соціалдемократической программѣ. *) Повидимому, это служитъ въ его глазахъ смягчающимъ обстоятельствомъ. Но на самомъ дѣлѣ германская соціалдемократія тутъ не причемъ. Группа „Освобожденіе Труда“ внесла въ свою программу требованіе государственной помощи производительнымъ товариществамъ не потому, чтобы она была увлечена въ этомъ случаѣ примѣромъ нѣмецкихъ товарищей, а просто потому, что ей невозможно было не считаться съ народническими симпатіями,— скажемъ откровеннѣе: предразсудками,—тогдашнихъ русскихъ революціонеровъ. Нужно помнить, что въ то время она была буквально единственной русской соціалдемократической группой, а число возможныхъ русскихъ соціалдемократовъ казалось очень большимъ, такъ какъ всѣ старые революціонные взгляды и программы потерпѣли жестокое крушеніе. При такихъ обстоятельствахъ группа „Освобожденіе Труда“ поневолѣ должна была, покрайней мѣрѣ, попробовать быть осторожной, мягкой и уступчивой. И она, дѣйствительно, рѣшила попытаться быть такою. Этимъ ея рѣшеніемъ объясняется какъ принятіе ею въ свою программу требованія государственной помощи производительнымъ товариществамъ, такъ и очень неопредѣленная формулировка ея аграрныхъ требованій. Эти послѣднія должны были особенно сильно затрогивать народническіе предразсудки нашихъ тогдашнихъ революціонеровъ. Группа „Освобожденіе Труда“ хорошо понимала это и поэтому выразилась очень „дипломатично“. Желательный ей пересмотръ характеризуется въ ея проектѣ только двумя чертами: 1, онъ долженъ быть радикальнымъ, т. е. въ корнѣ измѣнить бытъ крестьянскаго населенія и не останавливаться передъ соображеніями о законности и о такъ называемыхъ историческихъ правахъ „благороднаго“ сословія; 2. домохозяевамъ должно быть предоставлено право отказываться отъ надѣла и выходить изъ общины. Эта вторая черта ясно опредѣляетъ направленіе пересмотра: онъ долженъ положить конецъ крѣпостной зависимости крестьянина по отношенію къ государству и разорвать тѣ цѣпь, на которой оно такъ долго держало его подъ предлогомъ надѣленія его землею. Но группа „Освобожденіе Труда“ ничего не сказала о томъ, какія положительныя требованія должна, по ея мнѣнію, выставить соціалдемократическая партія во время желательнаго ей радикальнаго пересмотра нашихъ аграрныхъ отношеній. И это понятно. Пускаться въ подробности на этотъ счетъ значило тогда поднимать такіе ожесточенные, безконечные споры, какихъ лучше было избѣгать до поры до времени. На дѣлѣ такая осторожность ни къ чему не привела, потому что споры эти все же пришлось начать очень скоро

*) Соціалдемократическое Обозрѣніе, № 1, Мартъ 1902, стр. 43

послѣ составленія проекта программы: доказательство — книга „Наши Разногласія", представляющая собою рѣзкій отвѣтъ на ехидныя литературныя выходки нынѣ благополучно юродствующаго г. Л. Тихомирова противъ соціалдемократической среды. Но что группа „Освобожденіе Труда" не спѣшила начинать ихъ, это очень понятно, и это доказывается также брошюрой „Соціализмъ и политическая борьба", которая написана совсѣмъ „мягко", и въ которой даже о русской поземельной общинѣ говорится въ выраженіяхъ, совершенно исчезнувшихъ изъ нашего словаря послѣ выхода „Нашихъ Разногласій", т. е. послѣ того, какъ началась вынужденная полемика наша съ народниками всякихъ оттѣнковъ. *) Теперь обстоятельства кореннымъ образомъ измѣнились, и теперь соображенія практической осторожности подсказываютъ русскимъ соціалдемократамъ прямо противоположную тактику: всякія недомолвки принесли бы намъ теперь огромный вредъ, и потому въ предлагаемомъ проектѣ нѣтъ никакихъ недомолвокъ. На всѣхъ безъ исключенія і поставлены въ немъ достаточно замѣтныя точки.

На счетъ представительной системы и прямого народнаго законодательства, надо прямо сказать, что въ этомъ отношеніи группа „Освобожденіе Труда" находилась тогда подъ вліяніемъ идей Риттингаузена, и что прекрасная работа Каутскаго: «Парламентаризмъ, Народное правленіе, Соціалдемократія» (Штутгартъ 1893 г.), заставила ее значительно измѣнить свой взглядъ.**) Но и это частность, которую легко было бы исправить. Главное неудобство въ томъ, что программа группы „Освобожденіе труда" представляетъ собою скорѣе очень сжато написанную статью, чѣмъ программу въ собственномъ смыслѣ слова: она содержитъ въ себѣ не только изложеніе взглядовъ ея авторовъ, но и защиту этихъ взглядовъ, отвѣты на тѣ возраженія, которыя должны были подняться со

*) Удивительно, почему никто изъ нашихъ противниковъ не указалъ на это, какъ на «противорѣчіе»; вѣдь наши противники такъ усердно (и такъ безплодно) искали у насъ „противорѣчій".

**) Разъ зашла рѣчь объ этой группѣ, замѣтимъ, что ея самое названіе (Освобожденіе Труда) нераціонально. Но и оно принято было, какъ уступка „духу времени". Первоначально группа предполагала называть себя просто группой русскихъ соціалдемократовъ; но это уже слишкомъ рѣзало бы ухо нашихъ возможныхъ товарищей, въ теченіе долгихъ лѣтъ привыкавшее лишь къ анархической хулѣ на международную соціалдемократію, и потому рѣшено было «смягчить» то, чего на самомъ дѣлѣ смягчить было рѣшительно невозможно. Съ этой цѣлью и принято было безъ внимательнаго разсмотрѣнія, пришедшее кому-то изъ насъ въ голову названіе: соціалдемократическая группа «Освобожденіе Труда». Теперь такая „осторожность", отчасти напоминающая осторожность страуса, кажется просто смѣшною, а тогда было не до смѣху.

всѣхъ сторонъ. Это было неизбѣжно при извѣстныхъ уже читателю обстоятельствахъ той эпохи, но это дѣлаетъ ее несоотвѣтствующей требованіямъ настоящаго времени. Теперь, когда русская соціалдемократія пустила уже такіе глубокіе корни въ русскую землю, и когда она достигла неоспоримаго преобладанія въ русской революціонной средѣ, она можетъ и должна спокойно сказать свое «Вѣрую», не вводя въ него теперь уже ненужныхъ доказательствъ своего права на существованіе въ Россіи. Именно такое «Вѣрую» и представляетъ собою предлагаемая программа. Ея составители закрыли доступъ въ нее критикѣ чужихъ воззрѣній и защитѣ своихъ собственныхъ, полагая, что какъ та, такъ и другая найдутъ себѣ болѣе подходящее мѣсто въ довольно обширной теперь литературѣ партіи.

IV.

Но если въ нашей программѣ теперь уже неумѣстны, какіе бы то ни были діалоги съ нашими противниками, то это вовсе не значитъ, что при ея составленіи излишне было вспоминать жгучіе вопросы нашихъ дней, такъ сильно волнующіе соціалдемократовъ всего міра. Мы говоримъ о тѣхъ вопросахъ, которые подняты были въ соціалдемократической литературѣ капиталистическихъ странъ критическимъ походомъ болѣе или менѣе ученыхъ представителей буржуазіи противъ научнаго соціализма Маркса и Энгельса. На эти вопросы программа необходимо должна дать ясные отвѣты, потому что отвѣтами на нихъ опредѣляется теперь группировка людей въ два противоположныхъ лагеря: лагерь эксплуататоровъ съ одной стороны и лагерь эксплуатируемыхъ съ другой. Самымъ важнымъ изъ этихъ жгучихъ вопросовъ, центромъ, вокругъ котораго расположились всѣ остальные, былъ, какъ извѣстно, вопросъ о томъ, увеличивается или уменьшается общественное неравенство, — т. е. экономическое разстояніе между классами, — по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ развитіе капиталистическаго общества. Идеологамъ буржуазіи очень хотѣлось доказать, что оно уменьшается. Они думаютъ, что его уменьшеніе неизбѣжно должно вести къ ослабленію борьбы классовъ или даже къ полному „соціальному міру". Но, не говоря уже о томъ, что— какъ это показываетъ исторія борьбы той-же буржуазіи съ аристократіей — уменьшеніе общественнаго неравенства далеко не всегда ведетъ къ ослабленію классовой борьбы, всѣ тѣ статистическія данныя, на которыя ссылались защитники капитализма, были совершенно невѣрны сами по себѣ или подвергались невѣрному истолкованію. Теоретики соціализма обнаружили это съ полною очевидностью, показавъ, что разстояніе между производителями постоянно увеличивается. И само собою разумѣется, что авторы предлагаемаго проекта сочли своею обязанностью выставить въ надлежащемъ освѣщеніи этотъ важный результатъ спора, вполнѣ подтверждающій правильность

марксовой теоріи Указавъ на то, что въ развивающемся буржуазномъ обществѣ область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній постоянно расширяется, наша программа говоритъ вслѣдъ за этимъ, что зависимость наемнаго труда отъ капитала столь-же постоянно увеличивается, а уровень его эксплуатаціи капиталомъ повышается. Отсюда слѣдуетъ, конечно, что буржуазные призывы къ «соціальному міру" въ дѣйствительности не имѣютъ даже того мнимаго основанія, которое имъ придавали статистическіе фокусы ученыхъ апологетовъ капитализма. На самомъ дѣлѣ борьба классовъ постоянно обостряется и не можетъ не обостряться, пока существуетъ капиталистическій способъ производства. Эта мысль также нашла себѣ категорическое выраженіе въ нашей программѣ. А этими двумя чертами достаточно опредѣляется ея характеръ: она вполнѣ «ортолоксальна». Кто не любитъ марксистской „ортодоксіи", и кто мечтаетъ если не о полномъ примиреніи классовъ, то хотя бы о «притупленіи» ихъ борьбы, тотъ можетъ даже и не читать нашего проекта. Онъ не для него написанъ.

Тѣхъ же, которые не боятся прослыть „ортодоксами", и которые, подобно намъ, считаютъ преступной всякую мысль объ ослабленіи классовой борьбы въ капиталистическомъ обществѣ, мы попросимъ обратить вниманіе еще вотъ на что.

Марксъ и Энгельсъ видѣли въ промышленныхъ кризисахъ выраженіе того обстоятельства, что производительныя силы буржуазнаго общества переросли его имущественныя отношенія. «Во время кризисовъ, — говорили они еще въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи" — появляется эпидемія, которая во всѣ предшествующія эпохи показалась бы нелѣпостью — эпидемія излишняго производства. Общество вдругъ превращается на нѣкоторое время въ варварское состояніе; можно подумать, что голодъ или всеобщая истребительная война лишили его всѣхъ жизненныхъ средствъ; промышленность и торговля какъ бы уничтожаются, и почему? Потому что общество слишкомъ цивилизовано, потому что оно имѣетъ слишкомъ много жизненныхъ средствъ, потому что торговля и промышленность его развиты слишкомъ высоко. Находящіяся въ его распоряженіи производительныя силы не способствуютъ уже сохраненію буржуазныхъ имущественныхъ отношеній; напротивъ, онѣ стали слишкомъ велики для этихъ отношеній; онѣ встрѣчаютъ въ нихъ препятствіе, а когда имъ удается одолѣть его, онѣ приводятъ въ разстройство все буржуазное общество, угрожаютъ существованію буржуазной собственности. Буржуазныя отношенія оказываются слишкомъ узкими, чтобы вмѣстить созданное ими богатство". Въ брошюрѣ „Развитіе научнаго соціализма" Энгельсъ, вслѣдъ за Фурье, называетъ промышленные кризисы кризисами отъ полнокровія, т. е. отъ перепроизводства. Но объяснять кризисы противорѣчіемъ между средствами производства и имущественными отношеніями значитъ видѣть въ нихъ періодически повторяемый самой обще-

ственно-экономической жизнью доводъ въ пользу соціалистической революціи. Такой взглядъ, естественно, не могъ нравиться теоретикамъ буржуазіи, которые давно уже находили его тенденціознымъ. Въ послѣднее время въ ихъ «миролюбивомъ» сердцѣ расцвѣла та пріятная надежда, что развитіе кредита и трестовъ, увеличивъ «приспособляемость» капитала, въ значительной степени, если не вполнѣ, избавятъ буржуазное общество отъ непріятныхъ потрясеній, вызывающихся «эпидеміей излишняго производства». Этой отрадной надеждѣ стали предаваться даже нѣкоторые писатели, до сихъ поръ упорно именующіе себя соціалдемократами. Для примѣра назовемъ г. Бернштейна, довольно пространно развивавшаго эту мысль въ своей книгѣ, вышедшей по русски въ Петербургѣ подъ заглавіемъ «Историческій матеріализмъ». Но злая судьба готовила нашему бывшему товарищу жестокое посрамленіе. Не успѣлъ еще замолкнуть шумъ, вызванный его книгой, какъ новый промышленный кризисъ обнаружилъ всю тщету и все легкомысліе его пріятной надежды.

Не вдаваясь здѣсь въ перечисленіе «уроковъ» этого кризиса, замѣтимъ, что онъ, подобно своимъ предшественникамъ, ясно обнаружилъ свой характеръ «кризиса отъ полнокровія». Перепроизводство не оспаривается никѣмъ. Экономисты спорятъ между собою лишь объ его причинѣ. Иные изъ нихъ, по старой привычкѣ, до сихъ поръ изображаютъ излишекъ производства, какъ слѣдствіе... недостатка его въ нѣкоторыхъ отрасляхъ народнаго хозяйства: капиталъ неправильно («непропорціонально») распредѣленъ между разными отраслями, — въ этомъ, по ихъ словамъ, все дѣло. Но такое объясненіе, не выдерживающее самаго легкаго прикосновенія критики, свидѣтельствуетъ лишь объ упорномъ нежеланіи или о полной неспособности дающихъ его экономистовъ бросить критическій взглядъ на капиталистическое общество и подмѣтить существующее въ немъ несоотвѣтствіе между производительными силами и имущественными отношеніями. А между тѣмъ это несоотвѣтствіе почти уже поддается теперь количественному измѣренію (разумѣется, далеко не точному). Опираясь на данныя нѣмецкой имперской статистики, Рихальдъ Кальверъ, путемъ очень простого разсчета, пришелъ къ тому выводу, что за четыре года (1895 –1899), ознаменовавшіеся чрезвычайно высокимъ подъемомъ, производительныя силы нѣмецкой промышленности возрасли по крайней мѣрѣ на 38,55 процентовъ, а покупательная способность внутренняго рынка Германіи увеличилась ни въ какомъ случаѣ не болѣе, какъ на 20 проц. Такъ какъ въ 1899 году нѣмецкая промышленность работала «во всю», то выходитъ, что въ этомъ году по меньшей мѣрѣ двѣ-пятыхъ общей суммы произведенныхъ ею товаровъ не могли найти сбыта на внутреннемъ рынкѣ. Это значитъ, что въ 1899 году населенію Германіи не хватило по меньшей мѣрѣ полутора милліарда марокъ для того, чтобы безъ остатка купить всю массу имъ же самимъ произведенныхъ товаровъ. Почему не хватило? Это мо-

жетъ быть объяснено только распредѣленіемъ національнаго дохода Германіи, которое въ свою очередь опредѣляется ея имущественными отношеніями. Ясно, стало быть, что если производительныя силы германской промышленности далеко опередили покупательную способность населенія этой страны, то это показываетъ, что ея имущественныя отношенія уже не соотвѣтствуютъ ея производительнымъ силамъ, т. е. что совершенно правы были основатели научнаго соціализма со своимъ «тенденціознымъ» объясненіемъ «эпидеміи излишняго производства».

Когда покупательная способность населенія данной страны отстаетъ отъ ея производительныхъ силъ, то ей остается аппелировать только къ вывозу. Германія, разумѣется, не позабыла объ этомъ. Но къ несчастію промышленный подъемъ распространился на весь цивилизованный міръ и привелъ всѣ его страны приблизительно къ такому же несоотвѣтствію между ростомъ производства и покупательною способностью населенія. Поэтому всѣмъ имъ пришлось въ усиленной степени аппелировать именно къ вывозу. Неудивительно, что международный рынокъ оказался переполненнымъ, и что почти всемірный промышленный кризисъ положилъ конецъ тому пышному расцвѣту промышленности, въ прочность котораго такъ сильно хотѣлось вѣрить не только самимъ предпринимателямъ, но и ихъ теоретическимъ выразителямъ, буржуазнымъ экономистамъ и «критикамъ» Маркса. «Эпидемія излишняго производства» и на этотъ разъ повлекла за собою всѣ тѣ разрушительныя послѣдствія, которыя обыкновенно ее сопровождаютъ. Она унесла много мелкихъ и слабыхъ предпріятій и «еще сильнѣе обнаружила стремленіе къ сосредоточенію хозяйственныхъ силъ въ крупныхъ предпріятіяхъ» *) Вмѣстѣ съ тѣмъ сотни тысячъ пролетаріевъ лишились всякаго заработка, а еще большее число ихъ вынуждено было довольствоваться значительно пониженнымъ заработкомъ. Лишенія рабочаго класса, которыя были не малы даже въ періодъ промышленнаго подъема, усилились теперь въ огромной степени. И такимъ образомъ опять подтвердилась справедливость той мысли Фурье, что въ цивилизаціи (т. е. въ капиталистическомъ обществѣ) бѣдность порождается богатствомъ.

Эти явленія, столь характерныя для нынѣшняго общественнаго порядка, конечно, не могутъ быть обойдены молчаніемъ въ соціалдемократической программѣ. Поэтому предлагаемый проектъ, указавъ на расширеніе области господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній и на повышеніе уровня эксплуатаціи наемнаго труда капиталомъ, говоритъ:

«Такое положеніе дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся соперничество этихъ странъ на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающихъ коли-

*) Кельнская Газета „Промышленный 1901 г.“

чествахъ. Перепроизводство, проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя, представляютъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ. Кризисы и періоды промышленнаго застоя, въ свою очередь, еще болѣе раззоряютъ мелкихъ производителей, еще болѣе увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса».

Тутъ читатель имѣетъ передъ собою фотографически точное изображеніе того, что происходитъ въ дѣйствительности. И если въ этомъ мѣстѣ нашъ проектъ программы такъ же «ортодоксаленъ», какъ и во всѣхъ другихъ, то это объясняется „ортодоксальнымъ“ характеромъ всего хода развитія капиталистическаго общества.

V

Техническій прогрессъ роковымъ образомъ ведетъ къ концентраціи производства и къ уменьшенію значенія среднихъ и особенно мелкихъ предпріятій въ хозяйственной жизни капиталистическихъ странъ. Это ясно показываетъ современная статистика, и это волей-неволей признается даже тѣми «критиками», которые дѣлаютъ всѣ возможныя и невозможныя статистическія натяжки съ цѣлью показать, что указанный процессъ совершается крайне медленно. И это, разумѣется, тоже отмѣчено въ нашемъ проектѣ. Но какая судьба ждетъ тѣхъ мелкихъ производителей, которые выбываютъ изъ строя и лишаются возможности продолжать независимое существованіе? Апологеты буржуазіи и ихъ новые союзники, «критики» Маркса, говорятъ, что развитіе крупнаго капиталистическаго производства создаетъ множество новыхъ функцій, обезпечивающихъ своимъ исполнителямъ довольно высокое денежное вознагражденіе и привлекающихъ къ себѣ по крайней мѣрѣ часть нѣкогда самостоятельныхъ производителей. Такъ создается,—увѣряютъ насъ апологеты и «критики»,—новое среднее сословіе, становящееся на мѣсто стараго, исчезающаго вслѣдствіе прогресса производства. Объ экономической самостоятельности этого новаго средняго сословія, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи: оно цѣликомъ находится въ услуженіи у крупнаго капитала. Но потеря экономической самостоятельности вознаграждается хорошимъ «жалованьемъ» и комфортабельной жизнью. Появленіе новаго средняго сословія произвело, напримѣръ, на г. Бернштейна такое сильное впечатлѣніе, что онъ заговорилъ объ абсолютномъ увеличеніи числа «собственниковъ» въ нынѣшнемъ обществѣ.*)

*) См. его письмо къ ганноверскому конгрессу нѣмецкой партіи, отчасти воспроизведенное въ его книгѣ.

Всѣ эти увѣренія не лишены нѣкотораго фактическаго основанія. Развитіе крупнаго производства, безпощадно давя мелкихъ и среднихъ производителей, въ самомъ дѣлѣ создаетъ новый и многочисленный слой, разумѣется, не собственниковъ (это могъ придумать только несравненный г. Бернштейнъ), а «служащихъ», этихъ чиновниковъ капитала, получающихъ отъ него кое-когда и кое-гдѣ довольно богатыя милости. Этотъ новый общественный слой уже успѣлъ оказать огромное вліяніе на характеръ того соціализма, которому по всей справедливости принадлежитъ названіе мелко-буржуазнаго. Между тѣмъ, какъ прежде теоретики этого соціализма нападали на крупный капиталъ и мечтали о возстановленіи класса мелкихъ независимыхъ производителей, въ настоящее время они, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ, вполнѣ и нелицемѣрно примирились съ крупнымъ производствомъ въ промышленности,—въ земледѣліи они, попрежнему, поютъ хвалу мелкому производителю—и заботятся лишь о томъ, чтобы «притупить» борьбу пролетаріата съ буржуазіей и придумать такія «соціалистическія» реформы, которыя мирно уживались бы съ дальнѣйшимъ существованіемъ капиталистическаго способа производства. Изъ среды теоретиковъ этого соціализма вышла значительная часть «критиковъ» Маркса. Къ нимъ принадлежитъ теперь и наиболѣе «извѣстный», наиболѣе крикливый, наиболѣе самоувѣренный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе комичный изо всѣхъ этихъ «критиковъ», такъ часто упоминаемый здѣсь г. Бернштейнъ. Все это показываетъ, что общественное значеніе того новаго слоя, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно немаловажно. Но, во-первыхъ, появленіе «новаго средняго сословія» нисколько не подрываетъ вѣрности того положенія, что число пролетаріевъ въ развивающемся капиталистическомъ обществѣ увеличивается и абсолютно, и относительно, вслѣдствіе чего это общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два класса съ прямо противоположными интересами: съ одной стороны классъ лицъ, существующихъ *продажей* своей рабочей силы, а съ другой—классъ лицъ, *покупающихъ* эту силу съ цѣлью ея эксплуатаціи. На этотъ счетъ статистика не оставляетъ сомнѣнія. А, во-вторыхъ, возникаетъ вопросъ: насколько прочно существованіе этого «новаго средняго сословія»? Выразимся точнѣе: не должно-ли дальнѣйшее развитіе капитализма привести къ значительному уменьшенію числа чиновниковъ капитала и къ обращенію большинства ихъ въ простыхъ рабочихъ, если не въ жалкихъ нищихъ, протягивающихъ къ обществу руку за скудной и обидной помощью? Факты говорятъ, что—да. По мѣрѣ того, какъ концентрація производства идетъ впередъ своими постоянно ускоряющимися шагами, число этихъ мелкихъ буржуа новаго вида испытываетъ быстрое уменьшеніе. Это хорошо видно на примѣрѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ распространеніе трестовъ дѣлаетъ въ средѣ чиновниковъ капитала по истинѣ жестокія опустошенія. Изъ «Предварительнаго Отчета комиссіи о Трестахъ и Промышленныхъ Синди-

катахъ» видно, что, напримѣръ, при возникновеніи «Американской Компаніи стали и желѣза» лишились мѣста около половины разныхъ «офицеровъ», «суперинтендентовъ» и другихъ высокооплачиваемыхъ людей. Не лучше вліяютъ тресты и на судьбу „офицеровъ“ торговаго капитала. Президентъ „Національной Лиги странствующихъ приказчиковъ“ Довъ, полагаетъ, что число „людей заработной платы“, лишившихся мѣста вслѣдствіе возникновенія трестовъ, превышаетъ 35 000, т. е. составляетъ, если не цѣлую армію, то довольно значительный корпусъ. И предположеніе Дова врядъ-ли можно назвать преувеличеннымъ, если принять въ разсчетъ, что, напримѣръ, Американская компанія стали и желѣза изъ прежняго числа 200—300 приказчиковъ сохранила у себя 15—20 человѣкъ, а Американскій очистительный заводъ уволилъ 300 „людей зараб. платы“. Естественнымъ результатомъ такого опустошенія является пониженіе „жалованья“, получаемаго чиновниками капитала. Вышеназванный президентъ Лиги странствующихъ прикащиковъ утверждаетъ, что около 25000 людей заработной платы должны были согласиться на пониженіе ихъ платы на цѣлую треть *)

Все это показываетъ, что новая разновидность „собственниковъ“ совсѣмъ неспособна оправдать ожиданія, возлагаемыя на нее идеологами крупной и мелкой буржуазіи. Ея судьба также мало опровергаетъ „марксову догму“, какъ и всѣ другія явленія современной общественно-экономической жизни.

Въ виду этого составители предлагаемаго проекта считали себя въ полномъ правѣ сказать, нисколько не смущаясь возникновеніемъ „новаго средняго сословія“, что съ расширеніемъ области господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній мелкіе производители частью превращаются въ пролетаріевъ, а частью попадаютъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость по отношенію къ капиталу. И эта „догма“ тоже есть фотографически точное изображеніе дѣйствительнаго хода вещей. Ея правильности ни мало не подрываетъ даже тотъ общеизвѣстный фактъ, что подъ вліяніемъ многоразличныхъ причинъ, которыя сами создаются по большей части тѣмъ же развитіемъ капитализма и международныхъ сношеній, концентрація производства въ земледѣліи вообще совершается несравненно медленнѣе, чѣмъ въ промышленности, мѣстами же совсѣмъ пріостанавливается или сопровождается одновременнымъ увеличеніемъ очень мелкихъ хозяйствъ. Эти очень мелкія хозяйства все болѣе и болѣе становятся хозяйствами бѣдняковъ, существующихъ главнымъ образомъ продажей своей рабочей силы и получающихъ со своего клочка земли лишь извѣстное количество продуктовъ для собственнаго потребленія. Выступая на рынкѣ въ качествѣ продавцовъ рабочей силы,

*) См. Генри Вентигъ «Промышленные картели и Синдикаты» въ календарѣ Шмоллера за 1901 г. См. также въ «Конференціи о трестахъ въ Чикаго», Чикаго 1900 г. рѣчь Дова, стр. 115—124.

эти «землевладѣльцы», разумѣется, ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть занесены въ разрядъ независимыхъ отъ капитала производителей. Напротивъ, увеличеніе числа рабочихъ, владѣющихъ землею, стало теперь однимъ изъ важнѣйшихъ условій существованія и дальнѣйшаго развитія интенсивнаго капиталистическаго земледѣлія.

VI

Если въ добавокъ къ всему вышесказанному читатель приметъ въ соображеніе, что—какъ это указано въ нашемъ проектѣ—техническій прогрессъ необходимо ведетъ къ тому, что спросъ на рабочую силу отстаетъ отъ ея предложенія, то онъ не увидитъ никакого преувеличенія въ тѣхъ словахъ, которыми предлагаемая программа заканчиваетъ характеристику капиталистическаго общества: «Такимъ образомъ, усовершенствованіе техники означающее увеличеніе производительности труда и ростъ общественнаго богатства, обусловливаетъ собой въ буржуазномъ обществѣ возрастаніе общественнаго неравенства и необезпеченности существованія, безработицы и разнаго рода лишеній для все болѣе широкихъ слоевъ трудящихся массъ». Этими словами указываются соціальныя послѣдствія основного противорѣчія, свойственнаго капиталистическому обществу: противорѣчія между нынѣшнимъ высоко-развитымъ состояніемъ производительныхъ силъ и капиталистическими отношеніями производства. Объ устраненіи этихъ послѣдствій нельзя серьезно говорить до тѣхъ поръ, пока существуютъ ихъ причины. А для того, чтобы уничтожить ихъ причину, нужно устранить капиталистическія производственныя отношенія, т. е. сдѣлать соціальную революцію. Въ своемъ проектѣ мы и опредѣляемъ эту революцію, какъ конечную цѣль «всей дѣятельности международной соціалдемократіи».

Нужно-ли пояснять, почему въ нашемъ проектѣ соціальная революція пролетаріата изображается не только какъ «экспропріація экспропріаторовъ», но и какъ организація общественнаго производительнаго процесса? Если буржуазное общество характеризуется товарнымъ производствомъ на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, то упраздняющая его соціалистическая революція необходимо должна устранить какъ эти отношенія, такъ и товарное производство, этотъ обильный источникъ анархіи въ народномъ хозяйствѣ.

Но необходимое политическое условіе этой революціи составляетъ, по нашему мнѣнію, диктатура пролетаріата.

Такъ какъ мысль о диктатурѣ пролетаріата имѣетъ даръ очень не нравиться «критикамъ» Маркса, и такъ какъ ихъ доводы противъ этой мысли не остались безъ нѣкотораго вліянія даже на вполнѣ надежныхъ товарищей нашихъ въ разныхъ странахъ, то полезно будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ въ защиту нашего мнѣнія, категорически выраженнаго въ нашемъ проектѣ. Подъ диктатурой пролетаріата мы понимаемъ

завоеваніе имъ «такой политической власти, которая сдѣлаетъ его господиномъ положенія и дастъ ему возможность подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ». Вопросъ заключается, стало быть, въ томъ, нужна-ли пролетаріату такая власть для того, чтобы онъ могъ совершить свою соціальную революцію?

Когда буржуазія боролась съ аристократіей, стремясь замѣнить феодальныя производственныя отношенія капиталистическими, ея теоретики много разъ очень горячо и очень краснорѣчиво высказывали то убѣжденіе, что только сила можетъ дать ей побѣду, и что въ обществѣ, опирающемся на насиліе, нѣтъ другого верховнаго владыки, кромѣ силы. Руководимая этимъ убѣжденіемъ, она не останавливалась передъ самыми «крайними» средствами, если только они были цѣлесообразны. Она сознательно искала политическаго господства, понимая, что безъ него не могутъ осуществиться ея соціальныя стремленія. Наконецъ, ея продолжительныя и упорныя усилія увѣнчались рѣшительнымъ успѣхомъ: она добилась политическаго господства. Какъ же она воспользовалась имъ? Во-первыхъ, она окончательно разбила сопротивленіе аристократіи и сдѣлала его невозможнымъ на будущее время; а во-вторыхъ—позаботилась о томъ, чтобы обезопасить свой общественный порядокъ отъ всякихъ посягательствъ со стороны пролетаріата. Въ своемъ стремленіи къ этой послѣдней цѣли она, какъ это извѣстно всѣмъ и каждому, тоже не останавливалась передъ крайними средствами и, не колеблясь, апеллировала, если это казалось ей нужнымъ, къ верховному владыкѣ всякаго общества, раздѣленнаго на классы, т. е. къ силѣ. Однимъ словомъ, она понимала, что ея диктатура составляетъ необходимое политическое условіе ея соціальнаго освобожденія и ея господства. А теперь, когда это господство не только достигнуто, но уже клонится къ упадку; теперь, когда созданный ею общественный порядокъ все сильнѣе и сильнѣе колеблется подъ революціоннымъ напоромъ пролетаріата, она, крѣпко держась за ту политическую власть, которая еще остается у нея въ рукахъ, объявляетъ классовую диктатуру злостнымъ измышленіемъ узкихъ «догматиковъ», нелѣпой выдумкой революціонныхъ «доктринеровъ». Это по меньшей мѣрѣ такъ же странно, какъ странно было бы,—по извѣстному латинскому выраженію,—слышать, что Гракхъ говоритъ противъ возмущенія. Что же измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ знамя общественнаго прогресса перешло изъ бѣлыхъ рукъ буржуазіи въ мозолистыя руки пролетаріата? Почему диктатура, бывшая полезной и необходимой въ рукахъ одного класса, стала бы ненужной и нецѣлесообразной въ рукахъ другого? Измѣнилось только отношеніе буржуазіи къ общественному прогрессу. Прежде она защищала его и была проникнута революціонными стремленіями; теперь она противится ему и, какъ огня, боится всего, что носитъ на себѣ печать такихъ стремленій. Поэтому ея идеологи, нѣкогда такъ краснорѣчиво разсуждавшіе о «войнѣ классовъ» и о революціонной роли силы, теперь такъ вкрадчиво толку-

ютъ о «соціальномъ мирѣ» и о безполезности классовой диктатуры для «рѣшенія соціальнаго вопроса». Но «что врагъ совѣтуетъ, то вѣрно худо». Если противъ мысли о диктатурѣ пролетаріата возстаютъ защитники нынѣшняго общественнаго порядка и находящіеся подъ ихъ вліяніемъ мелко-буржуазные „критики“ Маркса, то это происходитъ именно потому, что эта диктатура представляетъ собою необходимое политическое условіе соціальной революціи. Ссылки на то, что передовыя капиталистическія страны все болѣе и болѣе приближаются къ демократическому режиму, совсѣмъ не убѣдительны. Такой режимъ еще не устраняетъ классовъ, а слѣдовательно и классовой борьбы, а слѣдовательно и необходимости для угнетеннаго класса добиться политическаго господства, чтобы устранить соціальную причину своего угнетенія. Кто хотя отчасти раздѣляетъ то мнѣніе, что современныя демократическія конституціи дѣлаютъ излишней диктатуру рабочаго класса, тотъ сознательно или безсознательно склоняется къ той мысли, что „соціальный вопросъ“ можетъ быть „рѣшенъ“ безъ нарушенія существенныхъ интересовъ эксплуататоровъ, т. е. что дѣло обойдется безъ соціальной революціи. Но такой мысли, разумѣется, не можетъ раздѣлять никто изъ тѣхъ, которые причисляютъ себя къ революціонной соціалдемократіи. И вотъ почему всѣ сторонники этой соціалдемократіи обязаны разъяснять пролетаріату, что ему надо стремиться къ диктатурѣ, если онъ хочетъ устранить капиталистическія производственныя отношенія и замѣнить ихъ соціалистическими. Въ программу политическаго воспитанія рабочихъ непремѣнно должно войти усвоеніе ими идеи будущаго политическаго господства ихъ класса, какимъ бы путемъ ни привела ихъ къ нему исторія: насильственнымъ или мирнымъ.

Заботливо и не безъ „ортодоксальнаго“ умысла оттѣнили мы въ нашемъ проектѣ роль соціалдемократіи какъ передового отряда рабочей арміи и вмѣстѣ ея руководителя. Она организуетъ рабочій классъ въ самостоятельную партію, противостоящую всѣмъ партіямъ эксплуататоровъ, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ этихъ послѣднихъ съ интересами эксплуатируемыхъ и вообще всѣми зависящими отъ нея средствами старается ускорить развитіе классоваго самосознанія пролетаріата и выяснить ему необходимость и характеръ предстоящей соціальной революціи. Съ точки зрѣнія правильно понятаго марксизма все это разумѣется само собою. Но „критическая“ смута и сюда напустила густого туману, благодаря которому русскіе соціалдемократы „экономическаго“ направленія вообразили, будто обязанность соціалдемократіи состоитъ не въ томъ, чтобы выражать то, что уже сознано имъ безъ какой бы то ни было помощи со стороны „революціонной бациллы“. Не совершая самоубійства, соціалдемократія никогда не можетъ согласиться на эту смѣшную и позорную роль пятаго колеса въ телѣгѣ.

VII.

Буржуазіи господство пролетаріата представляется сплошнымъ попраніемъ правъ и систематическимъ нарушеніемъ интересовъ „всѣхъ остальныхъ классовъ общества". Но что такое эти остальные классы? Нашъ проектъ говоритъ, что въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ „самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ принадлежитъ относительно небольшому по своей численности классу лицъ, между тѣмъ какъ огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полу-пролетаріевъ, вынужденныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ постоянно или періодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать въ наемники къ капиталистамъ и своимъ трудомъ создавать доходъ высшихъ классовъ общества". Если это вѣрно,—а мы хотѣли бы послушать того, кто попытался бы доказать намъ, что это ошибочно,—то и соціальная революція, которая положитъ конецъ существованію капиталистическаго общества, нарушитъ интересы лишь незначительнаго меньшинства. А изъ этого слѣдуетъ, что и диктатура пролетаріата вовсе не будетъ знаменовать собою попранія правъ «всѣхъ остальныхъ классовъ общества». Напротивъ, она явится орудіемъ соціальнаго освобожденія всѣхъ тѣхъ слоевъ, которые, не принадлежа непосредственно къ наемникамъ капитала, все болѣе и болѣе становятся зависимыми отъ него въ своемъ существованіи и все болѣе и болѣе чувствуютъ его гнетъ. Нашъ проектъ говоритъ, что по мѣрѣ того, какъ развиваются противорѣчія, свойственныя капиталистическому обществу, «растетъ также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы и обостряется революціонная борьба пролетаріата съ эксплуататорами». Эти слова вѣрно выражаютъ, какъ намъ кажется, отношеніе къ капиталу разныхъ классовъ угнетаемаго имъ населенія: его гнетъ испытываетъ на себѣ теперь далеко не одинъ пролетаріатъ, и не одинъ пролетаріатъ не доволенъ этимъ гнетомъ, но онъ одинъ сознательно возстаетъ противъ него, онъ одинъ ведетъ съ капиталомъ революціонную борьбу, т. е. такую борьбу, цѣль которой заключается въ устраненіи капиталистическихъ отношеніи производства. Потому только его движеніе можетъ быть разсматриваемо, какъ движеніе, способное освободить все угнетенное и эксплуатируемое капиталомъ человѣчество. И потому борьба съ капиталомъ другихъ общественныхъ классовъ будетъ становиться соціально-революціонной только въ той мѣрѣ, въ какой они будутъ раздѣлять его стремленія и поддерживать ихъ. Потому, наконецъ, и партія рабочаго класса, международная соціалдемократія, хотя и зоветъ въ свои ряды всѣ слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія, но зоветъ ихъ—какъ говоритъ нашъ проектъ—лишь если они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата. Для всѣхъ соціалдемократовъ это должно быть понятно само собою. Но такъ какъ опытъ показываетъ, что въ настоящее время, благодаря „критической" смутѣ, по-

лезно пояснять даже такія истины, которыя въ нашемъ кругу должны были бы считаться совершенно безспорными, то мы пояснимъ нашу мысль на отдѣльномъ примѣрѣ.

Въ послѣдніе годы въ соціалдемократической литературѣ западно-европейскихъ странъ очень много спорили объ аграрномъ вопросѣ, на практикѣ сводящемся для соціалдемократіи къ вопросу о томъ, въ какое положеніе ей слѣдуетъ стать по отношенію къ крестьянству. Но что такое крестьянинъ? Ставя себѣ этотъ вопросъ, невольно вспоминаешь слова Ал. Толстого: «есть мужикъ и мужикъ». Такъ, напримѣръ, въ Германіи крестьяниномъ называется и такой домохозяинъ, который, имѣя десятинъ восемьдесятъ земли, обработываетъ ихъ съ помощью наемнаго труда. — при чемъ получаетъ доходъ, которому позавидовалъ бы у насъ иной «мелкопомѣстный» дворянинъ, — но то же названіе крестьянина носитъ и владѣлецъ крохотной «парцеллы», вынужденный продавать свою рабочую силу, можетъ быть, тому-же счастливому обладателю восьмидесяти десятинъ. Не ясно ли, что соціалдемократія не можетъ одинаково относиться къ обоимъ этимъ разрядамъ «крестьянъ»? Крестьянинъ, благосостояніе котораго основывается на эксплуатаціи наемнаго труда, есть для нея такой же буржуа, какъ и промышленный капиталистъ, а обладатель «парцеллы», выступающій на рынкѣ въ качествѣ продавца рабочей силы, разсматривается ею, какъ человѣкъ, существенные интересы котораго совпадаютъ съ интересами пролетаріевъ, и который рано или поздно, съ большимъ или меньшимъ трудомъ, долженъ стать подъ красное знамя пролетаріата. Тутъ дѣло говоритъ само за себя и дальнѣйшихъ поясненій не требуетъ. Возьмемъ поэтому слой сельскаго населенія, называемый иногда крестьянскимъ по преимуществу. Слой этотъ состоитъ изъ домохозяевъ, которые никому не продаютъ своей собственной рабочей силы, но по размѣрамъ своихъ участковъ не нуждаются также и въ эксплуатаціи чужой. Что сказать объ этихъ крестьянахъ, несомнѣнно живущихъ «трудомъ рукъ своихъ» и потому тоже входящихъ въ составъ трудящейся массы?

О нихъ мы скажемъ вотъ что. Эти крестьяне, какъ и всѣ мелкіе производители, очень сильно страдаютъ отъ развитія капитализма. Если, — говоря вообще — капиталъ не находитъ теперь выгоды въ ихъ обезземеленіи, *) то онъ многочислен-

*) Говоримъ — вообще, потому что есть исключенія. Такъ, въ Бельгіи, въ періодъ отъ 1880 до 1895 года число участковъ до 5 гектаровъ испытало очень значительное уменьшеніе, такъ что, по словамъ оффиціальныхъ статистиковъ, «концентрація поземельной собственности, соотвѣтствующая развитію крупной сельско-хозяйственной культуры и скотоводства, обнаружилась съ большой ясностью» (Статистическій Ежегодникъ Бельгіи 1899 г.) Во Франціи крупная поземельная собственность въ десятилѣтіе 1882—1892 пріобрѣла 197300 гектаровъ; средняя (отъ 10 до 40 гект.), утратила 16086 гект., мелкая (отъ 1 до 10 гек.)

ными другими способами налагаетъ на нихъ свою тяжелую руку. Поэтому ихъ положеніе ухудшается, что естественно порождаетъ въ нихъ болѣе или менѣе сильное недовольство. Они тоже борются съ капиталомъ. Но поскольку ихъ борьба имѣетъ цѣлью защиту ихъ интересовъ, какъ мелкихъ производителей и мелкихъ собственниковъ, она совершенно чужда того соціально-революціоннаго характера, какимъ отличается борьба пролетаріата. Чтобы дѣйствительно отстоять мелкое производство и мелкую собственность, нужно было-бы вернуть общество назадъ, къ тому времени, когда товарное производство еще не привело въ своемъ развитіи къ господству капиталистическихъ производственныхъ отношеній. Но желать этого могутъ только реакціонеры, и поскольку мелкое крестьянство имѣетъ такія желанія, оно играетъ реакціонную роль въ современномъ обществѣ. Однако, чаще всего оно не задается даже и такими,—по своему широкими,—цѣлями. Оно ограничивается рядомъ требованій, самое щедрое исполненіе которыхъ способно было бы только отчасти задержать тріумфальное шествіе крупнаго капитала и, соотвѣтственно этому, нѣсколько упрочить современное положеніе вещей. Такія требованія консервативны по своему существу. Соціалдемократія не можетъ поддерживать ихъ, не отказываясь отъ своей соціально-революціонной программы. Правда, въ качествѣ партіи, болѣе всѣхъ другихъ заинтересованной въ торжествѣ демократическихъ принциповъ политическаго устройства, соціалдемократія, съ своей стороны, выставляетъ рядъ требованій, осуществленіе которыхъ значительно облегчило бы положеніе мелкаго крестьянства, — какъ и всей вообще трудящейся массы, — ни мало не задерживая при этомъ быстраго хода современнаго экономическаго развитія. Эти требованія и теперь мѣстами обезпечиваютъ нашей партіи сочувствіе и поддержку нѣкоторой части крестьянства. Но этимъ сочувствіемъ они въ большинствѣ случаевъ дарятъ ее именно какъ партію демократическую, а не какъ соціальную демократію, не какъ партію соціальной революціи.*)

утратила 121524 гект., при чемъ число мелкихъ собственниковъ уменьшилось на 17442; только мельчайшая собственность (до 1-го гектара) показываетъ возрастаніе, но мельчайшіе собственники—тѣ же пролетаріи.

*) Дж. Гатти въ своей книгѣ «Соціализмъ и Земледѣліе», говоритъ (на стр. 305—306), что въ Италіи, во время выборовъ 1895 и 1897 годовъ многіе мелкіе землевладѣльцы подали свой голосъ за соціалистическихъ кандидатовъ. Мы охотно вѣримъ этому. Но у Гатти остается невыясненнымъ всей-ли соціалистической программѣ сочувствовали эти землевладѣльцы или только ея демократической части. А это далеко не одно и тоже. Вступленіе въ ряды соціалистической партіи людей, на самомъ дѣлѣ сочувствующихъ только одной и при томъ не самой характерной части ея программы, можетъ повлечь за собою весьма серьезныя неудобства для всего движенія. Марксъ

Чтобы научиться цѣнить ее, какъ соціально-революціонную партію, они должны предварительно убѣдиться въ томъ, что соціальная революція представляетъ для нихъ, какъ и для рабочаго класса, единственный дѣйствительный выходъ изъ нынѣшняго тяжелаго положенія. Но убѣдиться въ этомъ именно и значитъ перейти на точку зрѣнія пролетаріата. Распространять это убѣжденіе между всѣми вообще мелкими производителями (и мелкими лавочниками) составляетъ безспорную обязанность международной соціалдемократіи. На эту безспорную обязанность указываетъ и нашъ проектъ, когда говоритъ, что соціальная демократія, организуя пролетаріатъ, руководя всѣми проявленіями его борьбы и выясняя ему историческое значеніе и необходимость соціальной революціи, «вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ передъ всей остальной трудящейся массой безнадежность ея положенія въ капиталистическомъ обществѣ и необходимость соціальной революціи въ интересахъ ея собственнаго освобожденія отъ ига капитала.»

Чѣмъ дальше пойдетъ впередъ развитіе капитализма, тѣмъ легче будетъ для международной соціалдемократіи исполненіе этой ея обязанности передъ мелкими производителями, потому что тѣмъ очевиднѣе и тѣмъ тяжелѣе будетъ ихъ болѣе или менѣе посредственная зависимость отъ крупнаго капитала.

VIII

Что именно должна дѣлать соціальная демократія для исполненія указанной обязанности, это — вопросъ, который не допускаетъ общаго рѣшенія, потому что въ каждой отдѣльной странѣ, а очень часто даже и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ отдѣльныхъ странъ онъ долженъ рѣшаться различно въ зависимости отъ различія данныхъ условій. Несомнѣнно и ясно только то, что воздѣйствіе соціальной демократіи на страдающіе отъ капитализма, но не принадлежащіе къ пролетаріату слои трудящейся массы, будетъ тѣмъ легче и тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ сознательнѣе станетъ рабочій классъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ лучше будетъ онъ организованъ и чѣмъ дальше подвинется впередъ экономическое развитіе. Это показываетъ, между прочимъ, примѣръ Германіи. Ни въ какомъ изъ другихъ нѣмецкихъ государствъ соціалдемократы не говорили такъ много о необходимости воздѣйствія на крестьянство, какъ въ Баваріи, и нигдѣ соціалдемократы не были такъ сильно расположены жертвовать въ интересахъ такого воздѣйствія «марксовой догмой», какъ именно въ этомъ госу-

---

говоритъ, что этикетки, наклеиваемыя на соціально-политическія системы, въ отличіе отъ этикетовъ, наклеиваемыхъ на другіе товары, обманываютъ не только покупателей, но и продавцевъ. Это очень мѣтко сказано. Но отсюда слѣдуетъ, что къ соціально-политическимъ этикеткамъ надо относиться внимательнѣе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ.

дарствѣ. Какимъ же успѣхомъ увѣнчались ихъ усилія? Очень небольшимъ! Въ сельскихъ округахъ Баваріи за соціалдемократовъ было подано въ 1898 году только 7,6 проц. общаго числа правильно поданныхъ голосовъ, между тѣмъ какъ въ сельскихъ округахъ Пруссіи соціалдемократы получили 11,6 проц. голосовъ. въ Мекленбургъ-Шверинѣ 31,4 проц., а въ Саксонскомъ королевствѣ—40 проц. *) Саксонское королевство далеко опередило Баварію, что объясняется большимъ экономическимъ его развитіемъ и свойственнымъ ему несравненно болѣе энергичнымъ движеніемъ рабочихъ. Мы обращаемъ на это вниманіе тѣхъ изъ нашихъ русскихъ противниковъ, которые охотно напоминаютъ намъ о томъ, что теперь «даже на западѣ» соціалдемократы стараются сблизиться съ крестьянствомъ: воздѣйствіе западной соціалдемократіи на сельское населеніе есть прежде всего воздѣйствіе на него хорошо сплоченныхъ и хорошо организованныхъ рабочихъ партій. Чтобы слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру «Запада», намъ нужно сначала создать себѣ прочный операціонный базисъ въ рабочемъ классѣ.

Однако, какъ разъ въ этомъ отношеніи мы пока еще «не-Западъ». Хотя капиталистическій способъ производства и у насъ уже сдѣлали господствующимъ, и потому истинно-революціонной партіей и у насъ можетъ быть только соціалдемократія, но положеніе нашего крестьянства какъ нельзя болѣе отличается отъ положенія западно-европейскихъ крестьянъ. У насъ,—какъ говоритъ предлагаемый проектъ,—«на каждому шагу встрѣчаются остатки нашего стараго, докапиталистическаго порядка, который основывался на закрѣпощеніи трудящихся массъ помѣщикамъ, государству и его главѣ». Эти многочисленные остатки крѣпостнаго быта чрезвычайно сильно задерживаютъ все вообще наше экономическое развитіе, но съ особенной и по истинѣ мертвящей силой ложатся они на крестьянина. Прежде, чѣмъ ставить аграрный вопросъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ его ставятъ западно-европейскіе соціалдемократы, мы должны добиться раскрѣпощенія нашего крестьянина, мы должны ввести его въ условія жизни свойственныя нынѣшнему европейскому обществу. Соціальная революція, которую намъ предстоитъ теперь совершить въ русской деревнѣ, есть революція «третьяго сословія», а не революція пролетаріата. Не вдаваясь въ неумѣстные здѣсь подробные комментаріи нашей аграрной программы, мы считаемъ, однако, полезнымъ сказать о ней слѣдующее.

Революціонеры, не раздѣлавшіеся съ народническими предразсудками,—а такихъ у насъ, къ сожалѣнію, все еще не мало,—навѣрное упрекнутъ насъ въ томъ, что мы не требуемъ націонализаціи земли. Мы же думаемъ, что не только соціалдемократы, но и всѣ вообще революціонеры, скажемъ больше: всѣ вообще противники нашего стараго крѣпостнаго быта и его политической «надстройки»,—должны очень осторожно отно-

*) Гуго Бетгеръ, Соціалдемократія въ деревнѣ 1900 г. 11.

ситься къ требованію націонализаціи земли, потому что если бы такая націонализація совершилась при нынѣшнихъ нашихъ политическихъ условіяхъ или хотя бы при такомъ полу-абсолютизмѣ, какой существуетъ, напримѣръ, въ Пруссіи, то шансы побѣды революціонной партіи,—а слѣдовательно и выхода русскаго мужика изъ того печальнаго и позорнаго положенія илота, въ которомъ онъ прозябаетъ въ настоящее время, — уменьшились бы въ очень значительной степени.

Въ рукахъ нашего полицейскаго государства и теперь уже сосредоточивается слишкомъ значительная часть производительныхъ средствъ нашей страны. Содѣйствовать переходу къ нему всѣхъ тѣхъ земель, которыми оно не можетъ теперь распоряжаться, какъ своею собственностью, *) значило бы способствовать укрѣпленію его силъ, продолженію, если не увѣковѣченію, его существованія. Такая политика соотвѣтствуетъ интересамъ нашей бюрократіи, но она кореннымъ образомъ противорѣчитъ интересамъ революціонной партіи, а съ ними также всей трудящейся и эксплуатируемой массы.

Націонализація земли защищается у насъ...«Московскими Вѣдомостями». Въ прошломъ году это почтенное изданіе напечатало (въ № 110), за подписью князя Д. Цертелева, статью: «Земельная собственность и земельное обложеніе», въ которой мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такія строки:

«Мысль о націонализаціи земли не разъ уже высказывалась не одними только соціалистическими писателями, и нельзя не признать, что выраженная въ общей формѣ она не представляетъ въ себѣ ничего революціоннаго, и что, при существующемъ порядкѣ вещей, фактически государство уже есть собственникъ всѣхъ земель, находящихся внутри его границъ или собственной территоріи, какъ принято выражаться, а такъ какъ одинъ и тотъ же предметъ быть собственностью двухъ конкретныхъ или юридическихъ лицъ не можетъ, то частные землевладѣльцы не могутъ быть названы собственниками своихъ земель въ точномъ смыслѣ, а являются ихъ владѣльцами, въ той мѣрѣ, въ какой это владѣніе гарантировано имъ государствомъ».

Съ теоретической стороны доводъ князя Д. Цертелева является чѣмъ-то въ родѣ плохого каламбура; но это ни мало не подрываетъ истинности основнаго положенія приведенной нами тирады: того, что мысль о націонализаціи земли далеко не вездѣ и вовсе не всегда революціонна. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста, а въ русскомъ полицейскомъ государствѣ эти обстоятельства таковы, что націонализація земли была бы колоссальнымъ выигрышемъ для бюрократіи и столь же колоссальнымъ проигрышемъ для всѣхъ друзей политической свободы.

---

*) Земли крестьянскихъ обществъ издавна разсматриваются имъ, какъ его собственность. Да и не однихъ крестьянскихъ обществъ: однодворческими землями оно тоже всегда распо-

Наши нѣмецкіе товарищи *) и слышать не хотятъ о націонализаціи земли въ германскихъ государствахъ.**) Тѣмъ рѣшительнѣе возстали бы они противъ нея, если бы въ Германію перенесены были р у с с к і е государственные порядки.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что они высказываются противъ націонализаціи земли не только потому, что она придала бы новыя силы германскому полу-абсолютизму. Это соображеніе имѣетъ для нихъ очень большой вѣсъ, но кромѣ него есть и другія. Дѣло въ томъ, что при нынѣшнемъ положеніи всемірнаго хозяйства націонализація земли,—которая въ буржуазномъ обществѣ могла бы совершиться, разумѣется, лишь при условіи денежнаго вознагражденія землевладѣльцевъ,—была бы выгодна этимъ послѣднимъ,—а слѣдовательно невыгодна рабочему классу и всему вообще трудящемуся населенію. Въ виду этого соціалисты могутъ защищать ее только по недоразумѣнію.

Когда политическая власть окажется въ рукахъ рабочаго класса, тогда вопросъ о націонализаціи земли приметъ, конечно, совсѣмъ другой видъ, но тогда онъ будетъ лишь одной изъ составныхъ частей гораздо болѣе широкаго вопроса о націонализаціи,—т. е. о переходѣ въ общественную собственность,—всѣхъ вообще средствъ производства и обращенія продуктовъ.

Правда и то, что въ революціонную эпоху экспропріація крупныхъ землевладѣльцевъ можетъ явиться у насъ необходимымъ условіемъ соціально-политической побѣды революціонной партіи. Но это— вопросъ совсѣмъ другой. Его постановка и его рѣшеніе будутъ обусловливаться соотношеніемъ общественныхъ силъ въ такую эпоху. Говорить о немъ теперь преждевременно, хотя теперь же слѣдуетъ замѣтить, что при извѣстныхъ обстоятлльствахъ его необходимо будетъ поставить.

IX.

Переходя къ другимъ частямъ нашего проекта, мы прежде всего замѣтимъ, что мы не видимъ надобности защищать тѣ требованія, которыя мы выставляемъ «въ интересахъ охраненія рабочаго класса отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также въ интересахъ развитія его способности къ освободительной борьбѣ»: неотложная необходимость осуществленія требованій подобнаго рода такъ очевидна, что признается даже «критиками» Маркса, какъ извѣстно, мало склонными къ «утопіямъ», т. е. къ борьбѣ съ буржуазіей. «Критики» изображаютъ дѣло такъ, какъ будто эти реформы представляютъ собою все,

---

ряжалось по своему усмотрѣнію. Много-ли выиграли отъ этого крестьяне и однодворцы—предоставляемъ рѣшить читателю.

*) Конечно, не изъ тѣхъ, которые идутъ за «критиками» или сами принадлежатъ къ ихъ числу. Эти «товарищи» въ лучшемъ случаѣ сами не вѣдаютъ, чего хотятъ.

**) Каутскій «Аграрный вопросъ» стр. 321 и слѣд.

чего можетъ разумно добиваться пролетаріатъ; для насъ онѣ являются лишь рядомъ мелкихъ побѣдъ, которыя нужно одержать пролетаріату въ его движеніи къ соціальной революціи. Но именно потому, что эти побѣды должны быть одержаны для того, чтобы его полное освобожденіе стало возможнымъ, мы будемъ добиваться ихъ со всей энергіей, порождаемой стремленіемъ къ великой цѣли.

Не нужно комментаріевъ и для нашихъ политическихъ требованій. Всеобщее равное и прямое избирательное право; неприкосновенность личности и жилища гражданъ; неограниченная свобода совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ; свобода передвиженія и промысловъ; уничтоженіе сословій и полная равноправность гражданъ; безусловное предоставленіе гражданамъ права преслѣдовать передъ судомъ чиновниковъ, нарушившихъ ихъ права или неисполнившихъ своихъ обязанностей; замѣна постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа; обязательное и даровое народное образованіе; отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства,—каждое изъ этихъ требованій входитъ, какъ необходимая и незамѣнимая составная часть, въ наше требованіе демократической конституціи. Мы не станемъ оскорблять читателя, доказывая ему, какъ нужна такая конституція рабочему классу. Мы только замѣтимъ, что столь же необходимыя и незамѣнимыя составныя части этого общаго нашего требованія представляютъ собою и остальныя два, выше не названныя нами требованія этого разряда: 1. отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви и 2. признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ русской имперіи. Справедливость перваго изъ этихъ требованій признаютъ даже буржуазные демократы (что, конечно, не мѣшаетъ имъ, какъ вѣрнымъ выразителямъ инстинктовъ своего класса, покидать его рали «утилитарныхъ соображеній»); въ Россіи же оно пріобрѣтаетъ тѣмъ больше практическое значеніе, чѣмъ больше умножаются въ ней раскольничьи толки и секты. Второе требованіе,—необязательное для буржуазныхъ демократовъ, даже въ теоріи,—обязательно для насъ, какъ для соціалдемократовъ. Если бы мы позабыли о немъ или не рѣшились выставить его, опасаясь затронуть національные предразсудки нашихъ соотечественниковъ русскаго племени, то въ нашихъ устахъ сталъ бы постыдной ложью боевой кличъ международной соціалдемократіи: Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Не такъ настоятельно необходимымъ можетъ показаться съ перваго взгляда наше требованіе республики. Намъ могутъ указать на Францію, гдѣ республиканское правительство расправляется съ рабочими несравненно круче, чѣмъ правительство монархической Англіи. Мы и сами знаемъ, что республика республикѣ рознь и что французскую республику не безъ основанія называютъ монархіей, которой недостаетъ только монарха. Но вѣдь мы будемъ проповѣдывать идеи республики «республи-

канской»; мы хотимъ истинно-демократической республики, на дѣлѣ, а не только на бумагѣ обезпечивающей политическое самодержавіе народа. И несомнѣнно, что такая республика ближе придвигаетъ насъ нашей конечной цѣли, чѣмъ конституціонная монархія хотя-бы и англійскаго образца.

Въ 1891 году Энгельсъ писалъ по поводу одного проекта программы нѣмецкой соціалдемократіи: «Абсолютно вѣрно то, что наша партія и рабочій классъ могутъ придти къ власти только при демократической республикѣ. Она есть специфическая форма диктатуры пролетаріата, какъ это уже показала великая французская революція». Мы считаемъ это неопровержимой истиной. И мы думаемъ, что чѣмъ скорѣе проникнетъ эта истина въ умы рабочаго класса, тѣмъ быстрѣе пойдетъ впередъ дѣло его политическаго воспитанія, и тѣмъ скорѣе созрѣетъ онъ для своего освобожденія. Поэтому мы полагаемъ, что откладывать въ долгій ящикъ ясную формулировку нашихъ республиканскихъ стремленій было бы просто на просто непрактично.

«Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ народоправство!» — такимъ крикомъ отвѣтимъ мы на безпрерывныя правительственныя преслѣдованія; съ такимъ крикомъ пойдемъ мы въ аттаку противъ царизма. Громко раздастся онъ въ нашей странѣ, и еще несравненно громче будутъ повторять его все болѣе и болѣе густыя колонны пролетаріевъ, созрѣвающихъ для сознательной политической борьбы и охватываемыхъ той благородной и безпощадной ненавистью къ деспотизму, подъ вліяніемъ которой молодой Пушкинъ писалъ огненныя слова:

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостью увижу!...

Г. Плехановъ.

Аграрная программа русской соціалдемократіи.

Врядъ-ли есть надобность подробно доказывать необходимость «аграрной программы» для русской соціалдемократической партіи. Подъ аграрной программой мы разумѣемъ опредѣленіе руководящихъ началъ соціалдемократической политики въ аграрномъ вопросѣ, т. е. по отношенію къ сельскому хозяйству, къ различнымъ классамъ, слоямъ, группамъ сельскаго населенія. Въ такой «крестьянской» странѣ, какъ Россія, аграрная программа соціалистовъ естественно является главнымъ, если не исключительнымъ образомъ, «крестьянской программой», программой, опредѣляющей отношеніе къ крестьянскому вопросу. Крупные землевладѣльцы, сельскохозяйственные наемные рабочіе и «крестьяне»—таковы три главныя составныя части сельскаго населенія во всякой капиталистической странѣ, въ томъ числѣ и въ Россіи. И насколько опредѣленно и ясно уже само собою отношеніе соціалдемократовъ къ первымъ двумъ изъ указанныхъ трехъ составныхъ частей (землевладѣльцамъ и рабочимъ), настолько неопредѣленно самое даже понятіе «крестьянства», а тѣмъ болѣе наша политика по отношенію къ кореннымъ вопросамъ его быта и его эволюціи. Если на Западѣ весь гвоздь аграрной программы соціалдемократовъ составляетъ именно «крестьянскій вопросъ», то въ Россіи это должно быть въ еще гораздо большей степени. Самое недвусмысленное опредѣленіе своей политики въ крестьянскомъ вопросѣ тѣмъ болѣе необходимо для насъ, русскихъ соціалдемократовъ, что наше направленіе еще совсѣмъ молодо въ Россіи, что весь старый русскій соціализмъ былъ, въ послѣднемъ счетѣ, «крестьянскимъ» соціализмомъ. Правда, у той массы русскихъ «радикаловъ», которая мнитъ себя хранительницей наслѣдства, оставленнаго нашими соціалистами-народниками всяческихъ оттѣнковъ, соціалистическаго почти-что совсѣмъ ничего уже не осталось. Но всѣ они тѣмъ охотнѣе выдвигаютъ на первый планъ свои разногласія съ нами по «крестьянскому» вопросу, чѣмъ пріятнѣе для нихъ затушевать тотъ фактъ, что на авансцену общественно-политической жизни Россіи выдвинулся уже «рабочій» вопросъ, что по этому вопросу они не имѣютъ никакихъ прочныхъ устоевъ, а девять десятыхъ изъ нихъ являются здѣсь, въ сущности, са-

мыми дюжинными буржуазными соціалъ-реформаторами. Наконецъ, многочисленные «критики марксизма», почти совсѣмъ слившіеся въ этомъ послѣднемъ отношеніи съ русскими радикалами (или либералами?), тоже стараются напирать именно на крестьянскій вопросъ, по которому будто-бы «ортодоксальный марксизмъ» всего болѣе посрамленъ «новѣйшими трудами» Бернштейновъ, Булгаковыхъ, Давидовъ, Герцевъ и даже... Черновыхъ!

Далѣе, помимо теоретическихъ недоумѣній и войны «передовыхъ» направленій, чисто-практическіе запросы самого движенія выдвигаютъ въ послѣднее время задачу пропаганды и агитаціи въ деревнѣ. А сколько-нибудь серьезная и широкая постановка этого дѣла невозможна безъ принципіально выдержанной и политически цѣлесообразной программы. И русскіе соціалдемократы признавали всю важность „крестьянскаго вопроса“ съ самаго уже своего появленія на свѣтъ въ качествѣ особаго направленія. Напомнимъ, что въ проектѣ программы русскихъ соціалдемократовъ, составленномъ Группой Освобожденія Труда и изданномъ въ 1885 году, стоитъ требованіе „радикальнаго пересмотра аграрныхъ отношеній (условій выкупа и надѣленія крестьянъ землей“) *). Въ брошюрѣ: „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“ (1892 г.) Г. В. Плехановъ тоже говорилъ о соціалдемократической политикѣ въ крестьянскомъ вопросѣ.

Вполнѣ естественно поэтому, что и „Искра“ въ одномъ изъ первыхъ своихъ номеровъ (апрѣль 1901 г., № 3) выступила съ наброскомъ аграрной программы ,опредѣляя въ ст. „Рабочая партія и крестьянство“свое отношеніе къ основамъ аграрной политики русскихъ соціалдемократовъ. Статья эта вызвала недоумѣніе у весьма многихъ русскихъ соціалдемократовъ; мы получили рядъ замѣчаній и писемъ въ редакцію по поводу нея. Главныя возраженія вызвалъ пунктъ о возвращеніи отрѣзковъ, и мы предполагали уже открыть дискуссію въ „Зарѣ“ по этому поводу, когда появился № 10 „Раб. Дѣла“ со статьей Мартынова, разбиравшей, между прочимъ, и аграрную программу „Искры“. Въ виду того, что „Рабоч. Дѣло“ сдѣлало сводъ многимъ изъ ходячихъ возраженій,—мы надѣемся, что наши корреспонденты не посѣтуютъ на насъ за то, что мы ограничимся п о к а отвѣтомъ одному Мартынову. Я подчеркиваю п о к а въ виду вотъ какихъ обстоятельствъ. Статья въ „Искрѣ“ писана была однимъ изъ членовъ редакціи, и остальные члены ея, будучи солидарны съ авторомъ относительно общей постановки вопроса, могли быть, разумѣется, различныхъ мнѣній относительно частностей, относительно отдѣльныхъ пунктовъ. Между тѣмъ вся наша редакціонная коллегія (т. е. и Группа Освобожденія Труда въ томъ числѣ) была занята выработкой коллективнаго, редакціоннаго проекта программы нашей партіи. Выработка эта затяну-

*) См. приложеніе къ брошюрѣ П. Б. Аксельрода: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалдемократовъ“ Женева 1898.

лась (отчасти вслѣдствіе разныхъ партійныхъ дѣлъ и нѣкоторыхъ конспиративныхъ обстоятельствъ, отчасти вслѣдствіе необходимости особаго съѣзда для всесторонняго обсужденія программы) и закончена только въ самое послѣднее время. Покуда пунктъ насчетъ возвращенія отрѣзковъ оставался моимъ личнымъ мнѣніемъ, я не спѣшилъ защищать его, ибо для меня гораздо важнѣе была общая постановка вопроса о нашей аграрной политикѣ, чѣмъ этотъ отдѣльный пунктъ, который могъ еще быть отвергнутымъ или существенно видоизмѣненнымъ въ нашемъ общемъ проектѣ. Въ настоящее время я буду защищать уже тотъ общій проектъ. А „читателя-друга“, который не полѣнился подѣлиться съ нами критикой нашей аграрной программы, мы попросимъ теперь заняться критикой нашего общаго проекта.

II

Приведемъ полностью, «аграрную» часть этого проекта.

«Въ цѣляхъ устраненія остатковъ стараго крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянствѣ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ, россійская соціалдемократическая рабочая партія будетъ добиваться:

«1. Отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе;

«2. Отмѣны круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей;

«3. Возвращенія народу денежныхъ суммъ, взятыхъ съ него въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей; конфискаціи съ этой цѣлью монастырскихъ имуществъ и удѣльныхъ имѣній, а равно обложенія особымъ налогомъ земель крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращенія суммъ, добытыхъ этимъ путемъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ;

«4. Учрежденія крестьянскихъ комитетовъ

«а) для возвращенія сельскимъ обществамъ (посредствомъ экспропріаціи или—въ томъ случаѣ, если земли переходили изъ рукъ въ руки,—выкупа и т. п.) тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія;

«б) для устраненія остатковъ крѣпостного права, уцѣлѣвшихъ на Уралѣ, на Алтаѣ, въ западномъ краѣ и въ другихъ областяхъ государства.

«5. Предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ».

Читатель удивится, можетъ быть, отсутствію въ «аграрной программѣ» какихъ-бы то ни было требованій въ пользу сель-

скихъ наемныхъ рабочихъ. Мы замѣтимъ по поводу этого, что такія требованія вошли въ предыдущій отдѣлъ программы, содержащій требованія, предъявляемыя нашей партіей «въ интересахъ охраны рабочаго класса отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также въ интересахъ повышенія его способности къ борьбѣ за свое освобожденіе». Подчеркнутыя нами слова объемлютъ всѣхъ наемныхъ рабочихъ, въ томъ числѣ и сельскихъ, и всѣ 17 пунктовъ того отдѣла программы относятся и къ сельскимъ рабочимъ.

Это объединеніе промышленныхъ и сельскихъ рабочихъ въ одинъ отдѣлъ съ оставленіемъ въ «аграрной» части программы только «крестьянскихъ» требованій имѣетъ, правда, то неудобство, что требованія въ пользу сельскихъ рабочихъ не бросаются въ глаза, не замѣтны съ перваго взгляда. При поверхностномъ ознакомленіи съ программой можетъ получиться даже совершенно неправильное представленіе, что мы намѣренно затѣняли требованія въ пользу наемныхъ сельскихъ рабочихъ. Нечего и говорить, что это представленіе было бы въ корнѣ ошибочно. Указанное же неудобство—въ сущности, чисто внѣшняго характера. Оно легко устранимо и болѣе внимательнымъ ознакомленіемъ съ программой и комментаріемъ къ ней (а наша партійная программа «пойдетъ въ народъ», разумѣется, не иначе какъ въ сопровожденіи не только печатныхъ, но и—что гораздо важнѣе—устныхъ комментаріевъ). Если какая нибудь группа захочетъ обратиться спеціально къ сельскимъ рабочимъ, — она должна будетъ только выдѣлить изъ всѣхъ требованій въ пользу рабочихъ именно тѣ, которыя наиболѣе важны для батраковъ, поденщиковъ и т. п., и изложить ихъ въ особой брошюрѣ, листкѣ или рядѣ устныхъ сообщеній.

Въ принципіальномъ отношеніи единственно правильнымъ редактированіемъ разбираемыхъ отдѣловъ программы является именно такое, которое бы соединяло вмѣстѣ всѣ требованія въ пользу наемныхъ рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства и строго отдѣляло въ особый отдѣлъ требованія въ пользу «крестьянъ», ибо основной критерій того, что мы можемъ и должны требовать въ первомъ и во второмъ случаѣ, совершенно не одинаковъ. Принципіальное отличіе двухъ разсматриваемыхъ отдѣловъ программы выражено, по проекту, во вступительныхъ словахъ къ каждому отдѣлу.

Въ пользу наемныхъ рабочихъ отъ современнаго общества мы требуемъ такихъ реформъ, которыя «ограждаютъ ихъ отъ физическаго и нравственнаго вырожденія и повышаютъ ихъ способность къ борьбѣ»; въ пользу же крестьянъ мы добиваемся такихъ требованій, которыя содѣйствуютъ «устраненію остатковъ стараго крѣпостного порядка и свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ». Отсюда видно, что наши требованія въ пользу крестьянъ носятъ совершенно иной характеръ, что въ рабочемъ отдѣлѣ мы стоимъ на почвѣ современнаго буржуазнаго общества, а въ «крестьянскомъ»—требуемъ введенія деревни въ такія условія жизни, какія свойственны

буржуазному обществу. По отношенію къ наемнымъ рабочимъ мы беремъ на себя защиту ихъ интересовъ, какъ класса въ современномъ обществѣ; мы дѣлаемъ это, ибо считаемъ ихъ классовое движеніе единственнымъ дѣйствительно революціоннымъ движеніемъ и стремимся именно это движеніе съорганизовать, направлять и просвѣщать свѣтомъ соціалистическаго сознанія. Между тѣмъ по отношенію къ крестьянству мы вовсе не беремъ на себя защиты его интересовъ, какъ класса мелкихъ землевладѣльцевъ въ современномъ обществѣ. Ничего подобнаго. «Освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самаго рабочаго класса», и потому соціалдемократія — непосредственно и всецѣло представляетъ интересы только одного пролетаріата, только съ его классовымъ движеніемъ стремится слиться въ одно неразрывное цѣлое. Всѣ-же остальные классы современнаго общества стоятъ за сохраненіе основъ существующаго экономическаго строя, и потому защиту интересовъ этихъ классовъ соціалдемократія можетъ брать на себя лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ и на извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ, условіяхъ. Напримѣръ, классъ мелкихъ производителей, и мелкихъ земледѣльцевъ въ томъ числѣ, въ своей борьбѣ противъ буржуазіи является реакціоннымъ классомъ и потому «пытаться спасти крестьянство защитой мелкаго хозяйства и мелкой собственности отъ натиска капитализма значило бы безполезно задерживать общественное развитіе, обманывать крестьянина иллюзіей возможнаго и при капитализмѣ благосостоянія, разъединять трудящіеся классы, создавая меньшинству привилегированное положеніе на счетъ большинства» (Искра № 3). Вотъ почему выставленіе «крестьянскихъ» требованій въ нашемъ проектѣ программы обставлено двумя условіями. Мы подчиняемъ законность «крестьянскихъ требованій» въ соціалдемократической программѣ, во-первыхъ, тому условію, чтобы они вели къ устраненію остатковъ крѣпостного порядка, а во-вторыхъ, чтобы они содѣйствовали свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ.

Остановимся подробнѣе на разборѣ каждаго изъ этихъ условій, которыя были вкратцѣ очерчены уже въ № 3 Искры.

«Остатки стараго крѣпостного порядка» страшно еще велики въ нашей деревнѣ. Это фактъ общеизвѣстный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчиненіе вооруженному розгой привилегированному землевладѣльцу, бытовая приниженность, дѣлающая крестьянина настоящимъ варваромъ,—все это не исключеніе, а правило въ русской деревнѣ, и все это является, въ послѣднемъ счетѣ, прямымъ переживаніемъ крѣпостного порядка. Въ тѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ, гдѣ еще царитъ этотъ порядокъ, и поскольку онъ еще царитъ,—врагомъ его является все крестьянство какъ цѣлое. Противъ крѣпостничества, противъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ и служащаго имъ государства крестьянство продолжаетъ еще оставаться классомъ, именно классомъ не капиталистическаго, а крѣпостного общества, т. е. классомъ-

сословіемъ.*) И поскольку сохраняется еще въ нашей деревнѣ этотъ свойственный крѣпостному обществу классовой антагонизмъ «крестьянства» и привилегированныхъ землевладѣльцевъ, постольку рабочая партія, несомнѣнно, должна быть на сторонѣ «крестьянства», должна поддерживать его борьбу и подталкивать его на борьбу противъ всѣхъ остатковъ крѣпостничества.

Мы ставимъ въ кавычки слово крестьянство, чтобы отмѣтить наличность въ этомъ случаѣ не подлежащаго никакому сомнѣнію противорѣчія: въ современномъ обществѣ крестьянство, конечно, не является уже единымъ классомъ. Но кто смущается этимъ противорѣчіемъ, тотъ забываетъ, что это—противорѣчіе не изложенія, не доктрины, а противорѣчіе самой русской жизни. Это — не сочиненное, а живое діалектическое противорѣчіе. Поскольку въ нашей деревнѣ крѣпостное общество вытѣсняется «современнымъ» (буржуазнымъ) обществомъ, постольку крестьянство перестаетъ быть классомъ, распадаясь на сельскій пролетаріатъ и сельскую буржуазію (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крѣпостныя отношенія,— постольку «крестьянство» продолжаетъ еще быть классомъ, т. е., повторяемъ, классомъ не буржуазнаго, а крѣпостного общества. Это «поскольку — постольку» существуетъ въ дѣйствительности въ видѣ крайне сложнаго сплетенія крѣпостническихъ и буржуазныхъ отношеній въ современной русской деревнѣ. Говоря терминами Маркса, отработочная, натуральная, денежная и капиталистическая ренты переплетаются у насъ самымъ причудливымъ образомъ. Мы подчеркиваемъ это всѣми экономическими изслѣдованіями Россіи установленное обстоятельство въ особенности потому, что оно по необходимости неизбѣжно является источникомъ той сложности, запутанности, если хотите искуственности, нѣкоторыхъ нашихъ «аграрныхъ» требованій, которая сильно поражаетъ многихъ съ перваго взгляда. Кто ограничивается въ своихъ возраженіяхъ общимъ недовольствомъ по поводу этой сложности и „хитрости" предлагаемыхъ рѣшеній, тотъ забываетъ, что простого рѣшенія столь запутанныхъ вопросовъ и быть не можетъ. Мы обязаны бороться противъ всѣхъ остатковъ крѣпо-

*) Извѣстно, что въ рабскомъ и феодальномъ обществѣ различіе классовъ фиксировалось и въ сословномъ дѣленіи населенія, сопровождалось установленіемъ особаго юридическаго мѣста въ государствѣ для каждаго класса. Поэтому классы рабскаго и феодальнаго (а также и крѣпостного) общества были также и особыми сословіями. Напротивъ въ капиталистическомъ, буржуазномъ обществѣ юридически всѣ граждане равноправны, сословныя дѣленія уничтожены (по крайней мѣрѣ въ принципѣ), и потому классы перестали быть сословіями. Дѣленіе общества на классы обще и феодальному и буржуазному обществамъ, но въ первыхъ двухъ существовали классы-сословія, а въ послѣднемъ классы безсословные.

стническихъ отношеній,—это не можетъ подлежать для соціалдемократа никакому сомнѣнію, а такъ какъ эти отношенія самымъ сложнымъ образомъ переплетаются съ буржуазными, то намъ приходится забраться въ самую, съ позволенія сказать, сердцевину этой путаницы, не пугаясь сложностью задачи. „Простое“ рѣшеніе ея могло бы быть лишь одно: отстраниться, пройти мимо, предоставить „стихійному элементу“ всю эту кашу расхлебывать. Но такая „простота“, излюбленная всѣми и всяческими, буржуазными и „экономическими“, поклонниками стихійности, недостойна соціалдемократа. Партія пролетаріата должна не только поддерживать, но и подталкивать впередъ крестьянство въ его борьбѣ со всѣми остатками крѣпостничества, а чтобы подталкивать впередъ, недостаточно ограничиваться общимъ пожеланіемъ,— надо дать опредѣленную революціонную директиву, надо сумѣть помочь разобраться въ путаницѣ аграрныхъ отношеній.

III.

Чтобы читатель нагляднѣе представилъ себѣ неизбѣжность сложнаго рѣшенія аграрнаго вопроса, мы попросимъ его сравнить въ этомъ отношеніи рабочій и крестьянскій отдѣлы программы. Въ первомъ изъ нихъ всѣ рѣшенія чрезвычайно просты, понятны даже совсѣмъ мало посвященному и совсѣмъ мало думавшему человѣку, „естественны“, близки, легко осуществимы. Во второмъ, наоборотъ, большинство рѣшеній чрезвычайно сложны, «непонятны» съ перваго взгляда, искуственны, маловѣрны, трудно осуществимы. Чѣмъ объяснить это различіе? Не тѣмъ-ли, что составители программы въ первомъ случаѣ трезвенно и дѣловито размышляли, а во второмъ сбились и запутались, впали въ романтизмъ и фразеологію? Такое объясненіе, надо правду сказать, было бы чрезвычайно «просто», дѣтски-просто, и мы не удивляемся, что Мартыновъ за него ухватился. Онъ не подумалъ, что практическое рѣшеніе мелкихъ рабочихъ вопросовъ облегчено и упрощено до послѣдней степени самимъ экономическимъ развитіемъ. Общественно-экономическія отношенія въ области крупнаго капиталистическаго производства стали (и все болѣе становятся) до такой степени прозрачными, ясными, упрощенными, что ближайшіе шаги впередъ намѣчаются сами собой, напрашиваются сразу и съ перваго взгляда. Наоборотъ, вытѣсненіе крѣпостничества капитализмомъ въ деревнѣ до такой степени запутало и усложнило общественно-экономическія отношенія, что надъ рѣшеніемъ ближайшихъ практическихъ вопросовъ (въ духѣ революціонной соціалдемократіи) надо очень подумать, и «простого» рѣшенія— можно заранѣе съ полною увѣренностью сказать—выдумать не удастся.

Кстати. Разъ уже мы начали сравнивать рабочій и крестьянскій отдѣлы программы, то отмѣтимъ еще одно принципіальное различіе между ними. Коротко говоря, это различіе можно

бы формулировать слѣдующимъ образомъ: въ рабочемъ отдѣлѣ мы не вправѣ выходить за предѣлы соціально-реформаторскихъ требованій, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы не должны останавливаться и передъ соціально-революціонными требованіями. Или иначе: въ рабочемъ отдѣлѣ мы безусловно ограничены рамками программы минимума, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы можемъ и должны дать программу-максимумъ*). Объяснимся.

Въ обоихъ отдѣлахъ мы излагаемъ не нашу конечную цѣль, а наши ближайшія требованія. Въ обоихъ мы должны поэтому оставаться на почвѣ современнаго (буржуазнаго) общества. Въ этомъ состоитъ сходство обоихъ отдѣловъ. Но ихъ коренное отличіе состоитъ въ томъ, что рабочій отдѣлъ содержитъ требованія, направленныя противъ буржуазіи, а крестьянскій—требованія, направленныя противъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ (противъ феодаловъ, сказалъ бы я, если бы вопросъ о примѣнимости этого термина къ нашему помѣстному дворянству не былъ такимъ спорнымъ вопросомъ**). Въ рабочемъ отдѣлѣ мы должны ограничиться частными улучшеніями даннаго, буржуазнаго, порядка. Въ крестьянскомъ—мы должны стремиться къ полному очищенію этого даннаго порядка отъ всѣхъ остатковъ крѣпостничества. Въ рабочемъ отдѣлѣ мы не можемъ ставить такихъ требованій, значеніе которыхъ было бы равносильно тому, чтобы окончательно сломить господство буржуазіи: когда мы достигнемъ этой нашей конечной цѣли, достаточно подчеркнутой въ другомъ мѣстѣ программы и «ни на минуту» не упускаемой нами изъ виду при борьбѣ за ближайшія требованія, тогда мы, партія пролетаріата, не ограничимся уже вопросами о какой нибудь отвѣтственности предпринимателей или о какихъ-нибудь фабричныхъ квартирахъ, а возьмемъ въ свои руки все завѣдываніе и распоряженіе всѣмъ общественнымъ производствомъ, а, слѣдовательно, и распредѣленіемъ. Наоборотъ, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы можемъ и должны выставить такія требованія, значеніе которыхъ было бы равносильно тому, чтобы окончательно сломить господство крѣпостниковъ-помѣщиковъ, чтобы совершенно очистить нашу деревню отъ всѣхъ слѣдовъ крѣпостничества. Въ рабочемъ отдѣлѣ ближайшихъ требованій, мы не можемъ ставить соціально-революціонныхъ требованій, ибо соціальная революція, ниспровергающая господство буржуазіи, есть уже революція пролетаріата, осуществляющая нашу конечную цѣль. Въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы ставимъ и

*) То возраженіе, что требованіе вернуть отрѣзки далеко не есть еще максимумъ нашихъ ближайшихъ требованій въ пользу крестьянства (нашихъ аграрныхъ требованій вообще), и что оно поэтому не послѣдовательно, будетъ разобрано ниже.

**) Я лично склоненъ рѣшать этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, но въ данномъ случаѣ, разумѣется, не мѣсто и не время обосновывать и даже выдвигать это рѣшеніе, ибо рѣчь идетъ теперь о защитѣ коллективнаго, общередакціоннаго проекта аграрной программы.

соціально-революціонныя требованія, ибо соціальная революція, ниспровергающая господство крѣпостниковъ-помѣщиковъ (т. е. такая же соціальная революція буржуазіи, каковой была великая французская революція), возможна и на базисѣ даннаго, буржуазнаго порядка. Въ рабочемъ отдѣлѣ мы остаемся (пока и условно, съ своими самостоятельными видами и намѣреніями, но все же таки остаемся) на почвѣ соціальной реформы, ибо мы требуемъ здѣсь только того, что буржуазія можетъ (въ принципѣ) отдать намъ, не теряя еще своего господства (и что поэтому напередъ совѣтуютъ ей благоразумно и честь-честью отдать гг. Зомбарты, Булгаковы, Струве, Прокоповичи и К°.). Въ крестьянскомъ же отдѣлѣ мы должны, въ отличіе отъ соціальреформаторовъ, требовать и того, что никогда намъ (имъ крестьянамъ) не дадутъ и не могутъ дать крѣпостники-помѣщики,— требовать и того, что въ состояніи только силою взять себѣ революціонное движеніе крестьянства.

IV.

Вотъ почему недостаточенъ и негоденъ тотъ „простой" критерій „осуществимости", посредствомъ котораго Мартыновъ такъ „легко" „разносилъ" нашу аграрную программу. Этотъ критерій непосредственной и ближайшей „осуществимости" приложимъ вообще только къ завѣдомо реформаторскимъ отдѣламъ и пунктамъ нашей программы, отнюдь не къ программѣ революціонной партіи вообще. Другими словами, этотъ критерій приложимъ къ нашей программѣ только въ видѣ исключенія, отнюдь не въ видѣ общаго правила. Наша программа должна быть осуществима только въ томъ широкомъ, философскомъ смыслѣ этого слова, чтобы ни единая буква ея не противорѣчила направленію всей общественно-экономической эволюціи. А разъ мы вѣрно опредѣлили (въ общемъ и въ частностяхъ) это направленіе, мы должны—во имя своихъ революціонныхъ принциповъ и своего революціоннаго долга должны — бороться всѣми силами всегда и непремѣнно за максимумъ нашихъ требованій. Остановить же себя. до окончанія исхода борьбы, во время самаго хода борьбы, тѣмъ соображеніемъ, что всего максимума мы, пожалуй, и не добьемся, — значитъ впадать въ чистѣйшее филистерство. Соображенія подобнаго рода всегда ведутъ къ оппортунизму, хотя бы даже этого и не желали виновники такихъ соображеній.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не филистерствомъ является разсужденіе Мартынова, усмотрѣвшаго въ аграрной программѣ Искры „романтизмъ"—„потому что пріобщеніе крестьянской массы къ нашему движенію при настоящихъ условіяхъ является весьма проблематичнымъ" (Р. Д. № 10, стр. 58 Это — хорошій образчикъ тѣхъ очень „благовидныхъ" и очень дешевыхъ разсужденій, посредствомъ которыхъ русскій соціалдемократизмъ упрощался до экономизма. А вникните хорошенько въ это „благовидное" разсужденіе,—и оно окажется мыльнымъ

пузыремъ. „Наше движеніе“ есть соціалдемократическое рабочее движеніе. Къ нему „пріобщиться“ крестьянская масса прямо таки не можетъ: это не проблематично, а невозможно, и объ этомъ никогда и рѣчи не было. А къ „движенію“ противъ всѣхъ остатковъ крѣпостничества (и противъ самодержавія въ томъ числѣ) крестьянская масса не можетъ не пріобщиться. Мартыновъ запуталъ дѣло посредствомъ выраженія „наше движеніе“ не вдумавшись въ различный по существу характеръ движенія противъ буржуазіи и противъ крѣпостничества.*)

Проблематичнымъ можно назвать отнюдь не пріобщеніе крестьянской массы къ движенію противъ остатковъ крѣстничества, а только развѣ степень этого пріобщенія: крѣпостническія отношенія въ деревнѣ страшно переплетены съ буржуазными, а въ качествѣ класса буржуазнаго общества крестьяне (мелкіе земледѣльцы) являются гораздо болѣе консервативнымъ, чѣмъ революціоннымъ элементомъ (особенно въ виду того, что буржуазная эволюція сельскохозяйственныхъ отношеній находится у насъ только еще въ началѣ). Поэтому правительству въ эпоху политическихъ преобразованій гораздо легче будетъ

*) Что Мартыновъ недостаточно вдумался въ разбираемый имъ вопросъ, видно также изъ слѣдующей фразы его статьи: „Въ виду того, что аграрная часть нашей программы еще очень долго будетъ имѣть сравнительно малое практическое значеніе, она открываетъ широкое поприще для революціонной фразеологіи“. Подчеркнутыя слова содержатъ именно ту путаницу, на которую указано въ текстѣ. Мартыновъ слыхалъ, что на западѣ съ аграрной программой выступаютъ лишь при очень развитомъ рабочемъ движеніи. У насъ это движеніе только начинается. Слѣдовательно—„еще очень долго“!—спѣшитъ умозаключить нашъ публицистъ. Онъ не замѣтилъ мелочи: на Западѣ аграрныя программы пишутся для привлеченія полу крестьянъ, полу-рабочихъ къ соціалдемократическому движенію противъ буржуазіи, у насъ — для привлеченія крестьянской массы къ демократическому движенію противъ остатковъ крѣпостничества. Поэтому на Западѣ аграрная программа будетъ пріобрѣтать тѣмъ большее значеніе, чѣмъ дальше идетъ развитіе сельскохозяйственнаго капитализма. Наша же аграрная программа, въ преобладающей части ея требованій будетъ, наоборотъ, имѣть тѣмъ меньшее практическое значеніе, чѣмъ дальше идетъ развитіе сельскохозяйственнаго капитализма,—ибо остатки крѣпостного права, противъ которыхъ эта программа направлена, вымираютъ и сами собой и подъ вліяніемъ политики правительства. Наша аграрная программа разсчитана поэтому практически, главнымъ образомъ на непосредственно-ближайшее будущее, на періодъ до паденія самодержавія. Политическій переворотъ въ Россіи во всякомъ случаѣ и неизбѣжно поведетъ за собою такія коренныя преобразованія отсталыхъ нашихъ аграрныхъ порядковъ, что намъ тогда непремѣнно придется пересмотрѣть нашу аграрную программу.

раздѣлить крестьянъ (чѣмъ, напримѣръ, рабочихъ), гораздо легче будетъ ослабить (или даже, въ худшемъ случаѣ, парализовать) ихъ революціонность посредствомъ мелкихъ и неважныхъ уступокъ небольшому сравнительно числу мелкихъ собственниковъ.

Все это такъ. Но что же отсюда слѣдуетъ? Чѣмъ легче правительству спѣться съ консервативными элементами крестьянства, тѣмъ больше усилій и тѣмъ скорѣе должны мы направить на то, чтобы спѣться съ его революціонными элементами. Нашъ долгъ— опредѣлить, съ возможной степенью научной точности, въ какомъ именно направленіи должны мы поддерживать эти элементы, а затѣмъ подталкивать ихъ на рѣшительную и безусловную борьбу со всѣми остатками крѣпостничества, подталкивать всегда и при всякихъ обстоятельствахъ, всѣми доступными средствами. И развѣ не филистерской является попытка наперед «предписать» степень удачи нашего подталкиванія? Да тамъ уже потомъ жизнь это рѣшитъ и исторія это запишетъ, а наше дѣло теперь во всякомъ случаѣ бороться и бороться до конца. Развѣ смѣетъ солдатъ, который уже двинулся въ аттаку, разсуждать о томъ, что мы можетъ быть, не весь непріятельскій корпусъ, а три пятыхъ его уничтожимъ? Развѣ не является «проблематичнымъ», въ Мартыновскомъ смыслѣ, и такое, напримѣръ, требованіе, какъ требованіе республики? Да правительству еще легче будетъ отдѣлаться частичкой платежа по этому векселю, чѣмъ по векселю крестьянскихъ требованій уничтожить всѣ слѣды крѣпостничества. Но намъ-то какое до этого дѣло? Частичку платежа мы, конечно, положимъ себѣ въ карманъ, нисколько не прекращая тѣмъ не менѣе отчаянной борьбы за весь платежъ. Намъ нужно шире распространять идею, что только въ республикѣ можетъ произойти рѣшительная битва между пролетаріатомъ и буржуазіей, намъ нужно создать*) и упрочить республиканскую традицію среди всѣхъ русскихъ революціонеровъ и среди возможно болѣе широкихъ массъ рабочихъ, намъ нужно выразить этимъ лозунгомъ: «республика», что въ борьбѣ за демократизацію государственнаго строя мы пойдемъ до конца, безъ оглядки назадъ,—а тамъ уже сама борьба рѣшитъ, какую часть этого платежа, когда именно и какъ именно удастся намъ от-

*) Мы говоримъ: «создать», ибо старые русскіе революціонеры никогда не обращали серьезнаго вниманія на вопросъ о республикѣ, никогда не считали его «практическимъ» вопросомъ народники, бунтари и пр. потому, что съ пренебреженіемъ анархистовъ относились къ политикѣ, народовольцы потому, что хотѣли прыгнуть прямо отъ самодержавія къ соціалистической революціи. На нашу долю (если не говорить о давно забытыхъ республиканскихъ идеяхъ декабристовъ), на долю соціалдемократовъ выпало распространить требованіе республики въ массѣ и создать республиканскую традицію среди русскихъ революціонеровъ.

воевать. Глупо было бы пытаться учесть эту часть, раньше чѣмъ мы не дали врагу почувствовать всей силы нашихъ ударовъ и не испытали на себѣ всей силы его ударовъ. Тамъ и въ крестьянскихъ требованіяхъ наше дѣло—опредѣлить, на основаніи научныхъ данныхъ—максимумъ этихъ требованій и помочь товарищамъ бороться за этотъ максимумъ, а тамъ уже пускай смѣются надъ его «проблематичностью» трезвенные легальные критики и влюбленные въ осязательность результатовъ нелегальные «хвостики»!*)

*) Можетъ быть, небезполезно будетъ напомнить, къ вопросу объ «осуществимости» требованій соціалдемократической программы, полемику К. Каутскаго противъ Р. Люксембургъ въ 1896 году. Р. Люксембургъ писала, что требованіе возстановленія Польши неумѣстно въ практической программѣ польскихъ соціалдемократовъ, ибо это требованіе неосуществимо въ современномъ обществѣ. К. Каутскій возражалъ ей, говоря, что этотъ доводъ «основанъ на странномъ непониманіи сущности соціалистической программы. Наши практическія требованія, выражены-ли они прямо въ программѣ или представляютъ изъ себя молчаливо принимаемые «постулаты» должны быть сообразованы не съ тѣмъ, достижимы-ли они при данномъ соотношеніи силъ, а съ тѣмъ, совмѣстимы-ли они съ существующимъ общественнымъ строемъ и способно-ли проведеніе ихъ облегчить классовую борьбу пролетаріата, дать толчекъ ея развитію, и расчистить пролетаріату путь къ политическому господству. Съ даннымъ же соотношеніемъ силъ мы при этомъ нисколько не считаемся. Соціалдемократическая программа пишется не для даннаго момента,—она должна по возможности дать директиву при всѣхъ и всяческихъ конъюнктурахъ въ современномъ обществѣ. Она должна служить не только практическому дѣйствію, но и пропагандѣ, она должна въ формѣ конкретныхъ требованій указать съ большей наглядностью, чѣмъ это могутъ сдѣлать абстрактныя разсужденія, то направленіе, въ которомъ мы хотимъ идти впередъ. Чѣмъ болѣе отдаленныя практическія цѣли можемъ мы при этомъ себѣ ставить, не теряясь въ утопическихъ спекуляціяхъ,—тѣмъ лучше. Тѣмъ яснѣе будетъ для массъ—даже и для тѣхъ массъ, которыя не въ состояніи понять наши теоретическія разсужденія,—то направленіе, которому мы слѣдуемъ. Программа должна показать, чего мы требуемъ отъ современнаго общества или современнаго государства, а не то, чего мы ожидаемъ отъ него. Возьмемъ, напримѣръ, программу нѣмецкой соціалдемократіи. Она требуетъ выбора чиновниковъ народомъ. Это требованіе, если мѣрить его по масштабу Р. Люксембургъ, такъ же утопично, какъ и требованіе создать польское національное государство. Никто не впадетъ въ такую иллюзію, чтобы считать осуществимымъ при современныхъ политическихъ соотношеніяхъ требованіе выбирать государственныхъ чиновниковъ въ Германской Имперіи. Съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ можно принять, что

V.

Переходимъ къ второму общему положенію, опредѣляющему характеръ всѣхъ нашихъ крестьянскихъ требованій и выраженному въ словахъ: «въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ»...

Эти слова чрезвычайно важны и для принципіальной постановки аграрнаго вопроса вообще и для оцѣнки отдѣльныхъ аграрныхъ требованій въ частности. Требованіе уничтожить остатки крѣпостного порядка обще намъ со всѣми послѣдовательными либералами, народниками, соціальреформаторами, критиками марксизма въ аграрномъ вопросѣ и т. д. и т. д. Отъ всѣхъ этихъ господъ мы, выставляя такое требованіе, отличаемся не принципіально, а только по степени: они и въ этомъ пунктѣ неизбѣжно останутся всегда въ предѣлахъ реформы, мы же не остановимся (въ указанномъ выше смыслѣ) и предъ соціально-революціонными требованіями. Наоборотъ, требуя обезпечить «свободное развитіе классовой борьбы въ деревнѣ», мы становимся въ принципіальное противорѣчіе ко всѣмъ этимъ господамъ и даже ко всѣмъ революціонерамъ и соціалистамъ не-соціалдемократамъ. Эти послѣдніе тоже не остановятся передъ соціально-революціонными требованіями въ аграрномъ вопросѣ, но они не захотятъ подчинить этихъ требованій такому условію, какъ свободное развитіе классовой борьбы въ деревнѣ. Это условіе — основной и центральный пунктъ теоріи революціоннаго марксизма въ области аграрнаго вопроса*). Признать это условіе—значитъ признать, что и эволюцію сельскаго хозяйства, несмотря на всю ея запутанность и сложность, несмотря на все разнообразіе ея видовъ, есть тоже капиталистическая эволюція, что она порождаетъ тоже (какъ и эволюція промышленности) классовую борьбу пролетаріата съ буржуазіей, что именно эта классовая борьба должна быть нашей первой и коренной заботой, должна быть тѣмъ оселкомъ, на которомъ мы будемъ испытывать и принципіальные вопросы и политическія задачи и пріемы пропаганды, агитаціи и организаціи.

польское національное государство осуществимо лишь по завоеваніи пролетаріатомъ политической власти, — съ такимъ же правомъ можно это утверждать и о данномъ требованіи. Но развѣ это достаточное основаніе, чтобы не принимать его въ нашу практическую программу»? (№ З. XIV. 2, стр. 513 и 514. Курсивъ К. Каутскаго).

*) Въ сущности, къ непониманію именно этого пункта сводятся всѣ заблужденія и блужданія «критиковъ» марксизма въ аграрномъ вопросѣ, и самый смѣлый, самый послѣдовательный (а постольку и самый честный) изъ нихъ, г. Булгаковъ, прямо заявляетъ въ своемъ «изслѣдованіи», что «здѣсь (въ деревнѣ) есть индивидуальная эксплуатація, но нѣтъ мѣста классовой борьбѣ, какъ общественному явленію» («Капитализмъ и земледѣліе», т. II, стр. 289).

Признать это условіе—значитъ обязаться и въ особенно больномъ вопросѣ объ участіи мелкаго крестьянства въ соціалдемократическомъ движеніи стоять на неуклонно классовой точкѣ зрѣнія, не поступаться ни въ чемъ точкой зрѣнія пролетаріата въ пользу интересовъ мелкой буржуазіи, а, наоборотъ, прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы мелкій крестьянинъ, разоряемый и угнетаемый всѣмъ современнымъ капитализмомъ, покинулъ свою классовую точку зрѣнія и всталъ на точку зрѣнія пролетаріата.

Выставляя это условіе, мы тѣмъ самымъ рѣшительно и безповоротно отгородимъ себя не только отъ своихъ враговъ (т. е. прямыхъ или косвенныхъ, сознательныхъ или безсознательныхъ сторонниковъ буржуазіи, являющихся нашими временными и частичными союзниками въ борьбѣ противъ остатковъ крѣпостного строя), но и отъ тѣхъ ненадежныхъ друзей, которые своей половинчатой постановкой аграрнаго вопроса способны принести (и приносятъ на дѣлѣ) много вреда революціонному движенію пролетаріата.

Выставляя это условіе, мы проводимъ этимъ руководящую нить, держась которой соціалдемократъ, даже заброшенный въ любое деревенское захолустье, даже поставленный лицомъ къ лицу передъ наиболѣе запутанными аграрными отношеніями, выдвигающими на первый планъ о б щ е демократическія задачи, можетъ провести и подчеркнуть, при рѣшеніи этихъ задачъ, свою пролетарскую точку зрѣнія,—точно такъ же, какъ мы остаемся соціалдемократами и при рѣшеніи обще демократическихъ политическихъ задачъ.

Выставляя это условіе, мы тѣмъ самымъ отвѣчаемъ на то возраженіе, которое является у многихъ послѣ бѣглаго ознакомленія съ конкретными требованіями нашей аграрной программы... «Вернуть выкупные платежи и отрѣзки сельскимъ обществамъ!?»—да гдѣ же тутъ наша пролетарская особность и наша пролетарская самостоятельность? да развѣ не будетъ это, въ сущности, подаркомъ сельской буржуазіи??—

Конечно, да—но въ томъ только смыслѣ, въ какомъ и самое паденіе крѣпостного права было «подаркомъ буржуазіи» т. е. освобожденіемъ отъ крѣпостническихъ путъ и стѣсненій именно буржуазнаго, а не какого-либо иного развитія. Пролетаріатъ именно тѣмъ и отличается отъ другихъ угнетенныхъ буржуазіей и противостоящихъ ей классовъ, что онъ возлагаетъ свои надежды не на задержку буржуазнаго развитія, не на притупленіе или смягченіе классовой борьбы, а напротивъ на наиболѣе полное и свободное развитіе ея, на ускореніе буржуазнаго прогресса*). Въ развивающемся капиталистическомъ обще-

*) Разумѣется, не всякія мѣры, ускоряющія буржуазный прогрессъ, защищаетъ и пролетаріатъ, а только тѣ изъ нихъ, которые непосредственно вліяютъ на усиленіе способности рабочаго класса къ борьбѣ за его освобожденіе. А «отработки» и

ствѣ нельзя уничтожить остатки стѣсняющаго его развитіе крѣпостничества такимъ образомъ, что бы не усилить и не упрочить этимъ буржуазіи. «Смущаться» этимъ—значитъ повторять ошибку тѣхъ соціалистовъ, которые говорятъ, что политическая свобода намъ ни къ чему, ибо она усилитъ и упрочитъ господство буржуазіи.

VI

Разсмотрѣвъ «общую часть» нашей аграрной программы, перейдемъ къ разбору отдѣльныхъ ея требованій. Мы позволимъ себѣ при этомъ начать не съ перваго, а съ четвертаго пункта (объ отрѣзкахъ), ибо именно онъ является наиболѣе важнымъ, центральнымъ, придающимъ особый характеръ аграрной программѣ пунктомъ и въ тоже время наиболѣе уязвимымъ (по крайней мѣрѣ, по мнѣнію большинства высказавшихся о статьѣ въ № 3 Искры). Напомнимъ, что содержаніе этого пункта слагается изъ слѣдующихъ составныхъ частей: 1. Онъ требуетъ учрежденія крестьянскихъ комитетовъ съ полномочіемъ заново урегулировать тѣ аграрныя отношенія, которыя являются прямымъ пережиткомъ крѣпостничества. Выраженіе: «крестьянскіе комитеты» выбрано для яснаго указанія на то, что—въ противоположность «реформѣ» 1861-го года съ ея дворянскими комитетами—новое регулированіе должно находиться въ рукахъ крестьянъ, а не въ рукахъ помѣщиковъ. Иначе говоря: окончательная ликвидація крѣпостническихъ отношеній предоставляется не угнетателямъ, а угнетенной этими отношеніями части населенія, предоставляется не меньшинству, а большинству заинтересованныхъ лицъ. Въ сущности, это есть ни что иное, какъ демократическій пересмотръ крестьянской реформы (т. е. именно то, чего требовалъ первый проектъ программы, составленный Группой Освобожденія Труда). И если мы не выбрали этого послѣдняго выраженія, то лишь потому, что оно менѣе опредѣленно, что оно менѣе выразительно указываетъ истинный характеръ и конкретное содержаніе этого пересмотра*).

кабала падаютъ на неимущую и близкую къ пролетаріату часть крестьянства еще гораздо сильнѣе, чѣмъ на зажиточную.

*) Отмѣтимъ непослѣдовательность (или недомолвку?) Надеждина, который въ своемъ наброскѣ аграрной программы воспринялъ, видимо, идею «Искры» насчетъ крестьянскихъ комитетовъ, но формулировалъ эту идею крайне неудачно, сказавъ: «созданіе особаго суда изъ народныхъ представителей для разбора крестьянскихъ жалобъ и заявленій относительно всѣхъ тѣхъ операцій, которыя сопровождали «освобожденіе» («Канунъ революціи», страница 55). Жаловаться можно только на нарушеніе закона. «Освобожденіе» 19 февраля совсѣми его «операціями» само является закономъ. Созданіе особыхъ судовъ для разбора жалобъ на неправильность извѣстнаго закона не имѣетъ никакого смысла, пока не отмѣненъ этотъ

Далѣе, 2. крестьянскимъ комитетамъ дается право экспропріировать и выкупать помѣщичью землю, производить обмѣнъ земли и проч. (п. 4, б), причемъ (3), право экспропріаціи и выкупа дается именно по отношенію къ тѣмъ землямъ, которыя «отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права» (эти земли искони служили, слѣд., необходимой принадлежностью крестьянскаго хозяйства, входили, какъ часть въ цѣлое этого хозяйства, и были искусственно отъ него отняты тѣмъ узаконеннымъ грабежемъ, каковымъ была великая крестьянская реформа),—и «служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія».

Наконецъ, 4. пунктъ 4, б, предоставляетъ крестьянскимъ комитетамъ полномочіе устранять остатки крѣпостного права, уцѣлѣвшіе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ государства (сервитуты, незаконченные выдѣлы земли и размежеванія и проч. и т. п.).

Такимъ образомъ все содержаніе 4-го пункта можно, простоты ради, выразить въ двухъ словахъ: «вернуть отрѣзки». Спрашивается, какъ возникла идея такого требованія? Какъ прямой выводъ изъ того общаго и основнаго положенія, что мы должны помочь крестьянамъ и подтолкнуть крестьянъ на возможно полное уничтоженіе всѣхъ остатковъ крѣпостничества. Съ этимъ «всѣ согласны», неправда-ли? Ну, а если согласны встать на эту дорогу, такъ потрудитесь уже самостоятельно двигаться по ней впередъ, не заставляйте тащить васъ, не робѣйте по поводу «необычнаго» вида этой дороги, не смущайтесь тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ вы и вовсе никакой проторенной дороги не найдете, а должны будете и по краю обрыва проползти и черезъ чащу пробираться и черезъ ямы перескочить. Не жалуйтесь на бездорожье: эти жалобы будутъ безполезнымъ нытьемъ, ибо вы напередъ должны были знать, что становитесь не на столбовую дорогу, выпрямленную и выровненную всѣми силами общественнаго прогресса, а на тропинки закоулковъ и захолустій, изъ которыхъ выходъ есть, но прямого, простого и легкаго выхода ни вы, ни мы, ни другой кто никогда не отыщетъ,—«никогда» т. е. до тѣхъ поръ, пока будутъ еще существовать эти отмирающія, и мучительно-долго отмирающія, захолустья и закоулки. А не хотите соваться въ эти закоулки,—

законъ, пока не даны въ замѣну (или въ частичную отмѣну) его новыя законодательныя нормы. Надо дать «суду» не только право принимать «жалобу» на отрѣкзу выпаса, но и право вернуть (выкупить и т. п.) этотъ выпасъ,—а тогда, во-первыхъ «судъ» съ полномочіемъ творить законъ уже не будетъ судомъ а, во-вторыхъ, надо точно указать, какія именно права экспропріаціи, выкупа и т. п. имѣетъ такой «судъ». Но, какъ ни неудачна формулировка Належднна, а необходимость демократическаго пересмотра крестьянской реформы понялъ онъ гораздо вѣрнѣе Мартынова.

такъ говорите прямо, что не хочу, и не отдѣлывайтесь фразами*).

Вы согласны бороться за уничтоженіе остатковъ крѣпостничества?—Хорошо. Такъ помните же, что никакого единаго юридическаго учрежденія, которое бы выражало или обусловливало эти остатки, не существуетъ—я говорю, конечно, объ остаткахъ крѣпостничества исключительно въ области занимающихъ насъ теперь аграрныхъ отношеній, а не въ области законодательства сословнаго, финансоваго и проч. Прямыя переживанія барщиннаго хозяйства, безчисленное множество разъ констатированныя всѣми экономическими изслѣдованіями Россіи, держатся не какимъ-либо особо ихъ ограждающимъ закономъ, а силой фактически существующихъ поземельныхъ отношеній. Это до такой степени такъ, что въ 70-хъ годахъ знающіе люди прямо говорили: крѣпостное право возродилось бы несомнѣнно снова, если бы оно не было запрещено прямымъ закономъ. Значитъ, одно изъ двухъ: либо не касаться вовсе поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками,—тогда всѣ остальные вопросы рѣшаются очень «просто», но тогда вы не коснетесь и главнаго источника всякихъ переживаній крѣпостного хозяйства въ деревнѣ, тогда вы «просто» отстранитесь отъ очень жгучаго вопроса, затрогивающаго самые глубокіе интересы крѣпостниковъ и закабаленнаго крестьянства, отъ вопроса, который можетъ завтра или послѣ-завтра стать однимъ изъ самыхъ злободневныхъ соціально-политическихъ вопросовъ Россіи. Либо вы хотите коснуться и того источника «отсталыхъ формъ экономической кабалы», какими являются поземельныя отношенія,—и тогда вы должны считаться съ такой сложностью и запутанностью этихъ отношеній, которая легкаго и прямого рѣшенія прямо-таки не допускаетъ. Тогда вы, будучи недовольны предложеннымъ нами конкретнымъ рѣшеніемъ запутаннаго вопроса, не вправѣ уже отдѣлываться об-

*) Напр., Мартыновъ обвиняетъ въ «фразеологіи» Искру, которая дала ему и общія основанія своей аграрной политики („внесеніе классовой борьбы въ деревню“) и практическое рѣшеніе вопроса о конкретныхъ программныхъ требованіяхъ. Не замѣнивъ этихъ общихъ основаній никакими другими, не попытавшись поработать надъ составленіемъ опредѣленной программы, Мартыновъ отдѣлался слѣдующей фразой:... „Мы должны требовать огражденія ихъ (крестьянъ, какъ мелкихъ собственниковъ)... отъ разныхъ отсталыхъ формъ экономической кабалы“... Не дешевенько-ли будетъ? Не попробовали-ли бы вы указать намъ прямо хоть на одно огражденіе, хоть отъ одной (а не отъ „разныхъ“!) отсталой формы кабалы? (вѣроятно, есть еще и неотсталыя „формы кабалы“!!). А то, вѣдь, и мелкій кредитъ, и сборныя молочныя, и ссудосберегательныя товарищества, и союзы мелкихъ хозяйчиковъ, и крестьянскій банкъ, и земскіе агрономы, все вѣдь это есть тоже „огражденіе отъ разныхъ формъ отсталой экономической кабалы“. Значитъ, вы полагаете, что всего этого „мы должны требовать“??

щей «жалобой» на запутанность, а должны сдѣлать попытку самостоятельно разобраться въ немъ, предложить другое конкретное рѣшеніе.

Какое значеніе имѣютъ отрѣзки въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ,—это вопросъ факта. И знаменательно, что, какъ ни глубока пропасть между народничествомъ (въ широкомъ смыслѣ слова) и марксизмомъ въ оцѣнкѣ экономическихъ порядковъ и экономической эволюціи Россіи,—по данному вопросу между этими доктринами нѣтъ расхожденія. Представители обоихъ направленій согласны въ томъ, что въ русской деревнѣ тьма остатковъ крѣпостничества, и (нота бене) что господствующій въ центральныхъ губерніяхъ Россіи способъ частновладѣльческаго хозяйства («отработочная система хозяйства») есть прямо переживаніе крѣпостничества. Согласны они, далѣе, и въ томъ, что отрѣзки крестьянскихъ земель въ пользу помѣщиковъ—т. е. и отрѣзки въ прямомъ, непосредственномъ смыслѣ, и лишеніе крестьянъ права выпаса, пользованія лѣсомъ, водопоемъ, выгономъ и проч. и т. п. являются однимъ изъ главнѣйшихъ (если не главнѣйшимъ) базисомъ отработочной системы. Достаточно напомнить, что по новѣйшимъ даннымъ отработочная система помѣщичьяго хозяйства считается преобладающей не менѣе, какъ въ 17 губерніяхъ Европейской Россіи. Пусть попробуютъ оспорить этотъ фактъ тѣ, кто видитъ въ пунктѣ объ отрѣзкахъ чисто-искусственную, «вымученную» хитрую выдумку!

Отработочная система хозяйства означаетъ вотъ что. Фактически, т. е. не по праву владѣнія, а по хозяйственному пользованію, земли и угодья помѣщиковъ и крестьянъ не раздѣлены окончательно, а продолжаютъ оставаться слитыми: часть крестьянской земли служитъ, напр., для содержанія скота, необходимаго для обработки не крестьянской, а помѣщичьей земли; часть помѣщичьей земли безусловно необходима для сосѣдняго крестьянскаго хозяйства въ данной его системѣ (водопой, выгоны и т. п.). И это фактическое сплетеніе землепользованія неизбѣжно порождаетъ (вѣрнѣе, сохраняетъ порожденныя тысячелѣтней исторіей) такія же отношенія мужика къ барину, какія были и при крѣпостномъ правѣ. Мужикъ фактически остается крѣпостнымъ, работая по прежнему своимъ исконнымъ инвентаремъ, по исконной рутинѣ з-хпольнаго хозяйства, на исконнаго своего «государя-вотчинника». Чего же уже вамъ больше надо, когда сами крестьяне называютъ эти отработки сплошь да рядомъ паньщиной и «баршиной»?—когда сами помѣщики, описывая свое хозяйство, говорятъ: обработываютъ мнѣ землю «мои бывшіе» (значитъ, не только бывшіе, но и настоящіе!) «крестьяне» своимъ инвентаремъ за снимаемый ими у меня выпасъ?

Когда рѣшается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономическій вопросъ, то азбучное правило требуетъ, чтобы сначала былъ взятъ самый типичный, наиболѣе свобод-

ный отъ всякихъ посторонникъ, усложняющихъ вліяній и обстоятельствъ случай и уже затѣмъ отъ его рѣшенія, чтобы восходили далѣе, принимая одно за другимъ во вниманіе эти посторонніе и усложняющіе обстоятельства. Возьмите же и тутъ наиболѣе «типичный» случай: лѣти бывшихъ крѣпостныхъ работаютъ на сыновей бывшаго барина за снимаемый у него выпасъ. Отработки обусловливаютъ собой застой техники и застой всѣхъ общественно-экономическихъ отношеній въ деревнѣ, ибо эти отработки препятствуютъ развитію денежнаго хозяйства и разложенію крестьянства, избавляютъ (сравнительно) помѣщика отъ подтягивающаго вліянія конкурренціи (вмѣсто повышенія техники онъ понижаетъ долю испольщика: кстати, это пониженіе констатировано въ цѣломъ рядѣ мѣстностей за многіе годы пореформеннаго періода). прикрѣпляютъ крестьянина къ землѣ, задерживаютъ тѣмъ развитіе переселеній и отхожихъ промысловъ и т. д.

Спрашивается, усомнится-ли какой-нибудь соціалдемократъ, что въ этомъ «чистомъ» случаѣ вполнѣ естественна, желательна и осуществима экспропріація соотвѣтствующей части помѣщичьей земли въ пользу крестьянъ? Эта экспропріація встряхнетъ Обломова и заставитъ его перейти на болѣе маломъ количествѣ своей земли къ болѣе усовершенствованному хозяйству, эта экспропріація подорветъ (не скажу уничтожитъ, а именно подорветъ) отработочную систему, подниметъ самостоятельность и демократическій духъ въ крестьянствѣ, подниметъ его жизненный уровень, дастъ могучій толчекъ дальнѣйшему развитію денежнаго хозяйства и дальнѣйшему капиталистическому прогрессу земледѣлія. Да и вообще: разъ общепризнано, что отрѣзки есть одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ отработочной системы, а эта система есть прямое переживаніе крѣпостничества, задерживающее развитіе капитализма, то какъ можно сомнѣваться въ томъ, что возвращеніе отрѣзковъ подорветъ отработки и ускоритъ общественно-экономическое развитіе?

VII.

Однако же, усомнились въ этомъ очень многіе, и мы перейдемъ теперь къ разбору тѣхъ доводовъ, которые выдвинули усомнившіеся. Доводы эти можно всѣ подвести подъ слѣдующія рубрики: а) соотвѣтствуетъ-ли требованіе вернуть отрѣзки теоретическимъ основоначаламъ марксизма и программнымъ принципамъ соціалдемократіи? б) разумно-ли съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности выдвигать требованіе объ исправленіи исторической несправедливости, значеніе которой ослабляется съ каждымъ шагомъ экономическаго развитія? в) осуществимо-ли это требованіе практически? г) если признать, что мы можемъ и должны выставить требованіе въ такомъ родѣ и дать въ нашей аграрной программѣ не минимумъ, а максимумъ, то послѣдовательно-ли требованіе вернуть отрѣзки, съ этой точки зрѣнія? Является-ли такое требованіе на самомъ дѣлѣ максимальнымъ?

Насколько я могу судить, всѣ возраженія «противъ отрѣзковъ» подходятъ подъ тотъ или другой изъ этихъ четырехъ пунктовъ, причемъ большинство возражавшихъ (и Мартыновъ въ томъ числѣ) отвѣчали на всѣ четыре вопроса отрицательно, признавая требованіе вернуть отрѣзки и принципіально неправильнымъ, и политически нецѣлесообразнымъ, и практически неосуществимымъ, и логически непослѣдовательнымъ.

Разсмотримъ же въ порядкѣ важности всѣ эти вопросы.

а) Принципіально неправильнымъ требованіе вернуть отрѣзки считаютъ по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, говорятъ, что это «затронетъ» капиталистическое сельское хозяйство, т. е. приостановитъ или задержитъ развитіе капитализма; во-вторыхъ, говорятъ, что оно не только усилитъ, но и прямо приумножитъ мелкую собственность. Первый изъ этихъ доводовъ (особенно подчеркнутый Мартыновымъ) совершенно неосноваленъ, ибо типичные отрѣзки, наоборотъ, задерживаютъ развитіе капитализма, и возвращеніе ихъ усилитъ это развитіе; нетипичные же случаи не могутъ быть предусмотрѣны никакимъ единымъ общимъ закономъ, и разрѣшеніе ихъ необходимо предоставить усмотрѣнію мѣстныхъ комитетовъ (которые могутъ примѣнить и выкупъ и обмѣнъ земли и пр.).

Второй доводъ (особенно подробно развитый въ нѣкоторыхъ частныхъ письмахъ) гораздо серьезнѣе и вообще является самымъ сильнымъ доводомъ противъ защищаемой программы. Вообще говоря, развивать, поддерживать, укрѣплять, а кольми паче умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность вовсе уже не задача соціалдемократіи. Это совершенно справедливо. Но дѣло въ томъ, что здѣсь передъ нами какъ разъ не „общій“, а именно исключительный примѣръ мелкаго хозяйства, и эта исключительность явно выражена въ вступленіи къ нашей аграрной программѣ: „уничтоженіе остатковъ крѣпостного порядка и свободное развитіе классовой борьбы въ деревнѣ“. Вообще говоря, поддержка мелкой собственности реакціонна, ибо она направляется противъ крупнаго капиталистическаго хозяйства, задерживая, слѣдовательно, общественное развитіе, затемняя и сглаживая классовую борьбу. Въ данномъ же случаѣ мы хотимъ поддержать мелкую собственность именно не противъ капитализма, а противъ крѣпостничества,—въ данномъ случаѣ мы поддержкой мелкаго крестьянства даемъ громадный толчокъ развитію классовой борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, мы дѣлаемъ этимъ послѣднюю попытку разжечь остатки классовой (сословной) вражды крестьянъ къ крѣпостникамъ-помѣщикамъ. Съ другой стороны, мы расчищаемъ дорогу для развитія буржуазнаго классоваго антагонизма въ деревнѣ, ибо этотъ антагонизмъ прикрытъ нынѣ общей и одинаковой якобы угнетенностью всѣхъ крестьянъ остатками крѣпостничества.

Все на свѣтѣ имѣетъ двѣ стороны. Крестьянинъ-собственникъ на западѣ съигралъ уже свою роль въ демократическомъ движеніи и отстаиваетъ свое привилегированное положеніе по сравненію съ пролетаріатомъ. Крестьянинъ-собственникъ въ

Россіи стоитъ еще наканунѣ рѣшительнаго и общенароднаго демократическаго движенія, которому онъ не можетъ не сочувствовать. Онъ еще смотритъ больше впередъ, чѣмъ назадъ. Онъ еще гораздо больше борется противъ, столь сильныхъ еще въ Россіи, сословно крѣпостническихъ привилегій, чѣмъ отстаиваетъ свое привилегированное положеніе. Въ такой историческій моментъ мы прямо обязаны поддержать крестьянство и попытаться направить его туманное и темное еще недовольство противъ его настоящаго врага. И мы нисколько не будемъ противорѣчить себѣ, если въ слѣдующій историческій періодъ, когда минуютъ особенности данной политической „коньюнктуры", когда крестьянство, допустимъ, удовлетворится ничтожными подачками ничтожной части собственниковъ и даже „зарычитъ" рѣшительно противъ пролетаріата, если мы тогда выкинемъ изъ своей программы борьбу съ остатками крѣпостничества. Тогда-то, вѣроятно, придется намъ выкинуть изъ программы и борьбу съ самодержавіемъ, ибо никакъ нельзя полагать,чтобы до политической свободы крестьянство избавилось отъ самаго отвратительнаго и тяжелаго крѣпостническаго гнета.

При господствѣ капиталистическаго хозяйства, мелкая собственность задерживаетъ развитіе производительныхъ силъ, прикрѣпляя работника къ мелкому кусочку земли, узаконяя рутинную технику, затрудняя вовлеченіе земли въ торговый оборотъ. При господствѣ отработочнаго хозяйства, мелкая поземельная собственность, освобождаясь отъ отработковъ, тѣмъ самымъ толкаетъ впередъ развитіе производительныхъ силъ, освобождаетъ крестьянство отъ прикрѣплявшей его къ мѣсту кабалы, освобождаетъ помѣщика отъ „дарового" слуги, отнимаетъ возможность замѣнять техническія улучшенія безграничнымъ усиленіемъ „патріархальной" эксплуатаціи, облегчая вовлеченіе земли въ торговый оборотъ. Однимъ словомъ, противорѣчивое положеніе мелкаго крестьянства на рубежѣ крѣпостническаго и капиталистическаго хозяйства вполнѣ оправдываетъ эту исключительную и временную поддержку мелкой собственности соціал-демократіей. Повторяемъ еще разъ: это не противорѣчіе въ редактированіи или формулировкѣ нашей программы, а противорѣчіе живой жизни.

Намъ возразятъ: „какъ ни туго поддается отработочное хозяйство натиску капитализма, все-же оно поддается ему,—больше того: оно осуждено на полное исчезновеніе; крупное отработочное хозяйство уступаетъ и уступитъ мѣсто непосредственно крупному капиталистическому хозяйству. Вы-же хотите ускорить процессъ ликвидаціи крѣпостничества мѣрою, которая является, въ сущности, дробленіемъ (хотя бы частичнымъ, но все же таки дробленіемъ) крупнаго хозяйства. Не приносите-ли вы этимъ интересы будущаго въ жертву интересамъ настоящаго? Ради проблематической возможности возстанія крестьянъ въ ближайшемъ будущемъ противъ крѣпостничества вы затрудняете въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ возстаніе сельскаго пролетаріата противъ капитализма"!

Такое разсужденіе, какъ ни убѣдительно оно съ перваго взгляда, грѣшитъ большой односторонностью: во-первыхъ, и мелкое крестьянство тоже поддается, хотя и туго, а поддается натиску капитализма, оно тоже осуждено, въ конечномъ счетѣ, на неизбѣжное вытѣсненіе; во-вторыхъ, и крупное отработочное хозяйство уступаетъ мѣсто крупному капиталистическому не всегда „непосредственно", а сплошь и рядомъ создавая слой полу-зависимыхъ, полу-батраковъ, полу-собственниковъ,—между тѣмъ такая революціонная мѣра, какъ возвращеніе отрѣзковъ, сослужила бы гигантскую службу именно тѣмъ, что хоть разъ замѣнила бы „методъ" постепеннаго и незамѣтнаго превращенія крѣпостнической зависимости въ буржуазную „методомъ" открытаго революціоннаго превращенія: это не могло бы остаться безъ самаго глубокаго вліянія на духъ протеста и самостоятельной борьбы во всемъ трудящемся сельскомъ населеніи. Въ-третьихъ, мы, русскіе соціал-демократы, постараемся воспользоваться опытомъ Европы и гораздо раньше, гораздо усерднѣе займемся привлеченіемъ „деревенщины" къ соціал-демократическому рабочему движенію, чѣмъ это удалось нашимъ западнымъ товарищамъ, которые послѣ завоеванія политической свободы долго еще „ощупью" искали путей для движенія промышленныхъ рабочихъ: въ этой области мы многое возьмемъ готовымъ „у нѣмцевъ", а вотъ въ аграрной области, можетъ быть, выработаемъ и нѣчто новое. И для того, чтобы облегчить впослѣдствіи нашимъ батракамъ и полу-батракамъ переходъ къ соціализму, крайне важно, чтобы соціалистическая партія сейчасъ же начала „вступаться" за мелкое крестьянство, дѣлая для него „все возможное" съ ея стороны, не отказываясь отъ участія въ рѣшеніи наболѣвшихъ и запутанныхъ „чужихъ" (не-пролетарскихъ) вопросовъ, пріучая всю трудящуюся и эксплуатируемую массу видѣть въ себѣ своего вождя и представителя.

Пойдемъ далѣе: б) Требованіе вернуть отрѣзки считаютъ политически нецѣлесообразнымъ: неразчетливо отвлекать вниманіе партіи на исправленіе всякихъ теряющихъ уже современное значеніе историческихъ несправедливостей,—отвлекать вниманіе отъ основного и все болѣе надвигающагося вопроса о борьбѣ пролетаріата и буржуазіи. Задумали „съ запозданіемъ на 40 лѣтъ переосвободить крестьянъ" —иронизируетъ Мартыновъ.

И это разсужденіе сразу выдаетъ поразительную близорукость „экономиста". Разныя, вѣдь бываютъ историческія несправедливости. Есть такія, которыя остаются, такъ сказать, въ сторонѣ отъ главнаго историческаго потока, не задерживая его, не мѣшая его теченію, не препятствуя углубленію и расширенію пролетарской классовой борьбы. Такія историческія несправедливости, дѣйствительно, неумно было бы браться исправлять. Какъ примѣръ, укажемъ на присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи Германіей. Ни одна соціалдемократическая партія не вздумаетъ ставить въ свою программу исправленіе такой несправедливости, хотя ни одна въ то-же время не уклонится отъ своего долга **протестовать противъ этой несправедливости и клеймить ее**

всѣ господствующіе классы. И если-бы мы мотивировали требованіе вернуть отрѣзки только тѣмъ, что вотъ де была совершена несправедливость, — давайте, исправимъ это, — тогда это было-бы пустозвонной демократической фразой. Но мы мотивируемъ наше требованіе не нытьемъ по поводу исторической несправедливости, а необходимостью отмѣнить остатки крѣпостничества и расчистить дорогу для классовой борьбы въ деревнѣ, т. е. очень „практической“ и очень настоятельной необходимостью для пролетаріата.

Мы видимъ здѣсь примѣръ другой исторической несправедливости, именно такой, которая непосредственно продолжаетъ задерживать общественное развитіе и классовую борьбу. Отказываться отъ попытки исправить такія историческія несправедливости, значило бы „защищать кнутъ на томъ основаніи, что это кнутъ историческій“. Вопросъ объ освобожденіи нашей деревни отъ гнета „стараго режима“ — одинъ изъ самыхъ злободневныхъ вопросовъ современности, выдвигаемый всѣми направленіями и партіями (кромѣ крѣпостнической), такъ что ссылка на запозданіе вообще неумѣстна, а въ устахъ Мартынова просто забавна. „Запоздала“ русская буржуазія съ своей, собственно, задачей смести всѣ остатки стараго режима, — и исправлять этотъ недочетъ мы должны и будемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ исправленъ пока не будетъ у насъ политической свободы, пока положеніе крестьянства будетъ питать недовольство во всей почти массѣ образованнаго буржуазнаго общества (какъ это мы видимъ въ Россіи), а не питать въ этой массѣ чувство консервативнаго самодовольства по поводу „неразрушимости“ самаго мощнаго, якобы оплота противъ соціализма (какъ это мы видимъ на Западѣ, гдѣ указанное самодовольство замѣчается у всѣхъ партій порядка, начиная съ аграріевъ и чистокровныхъ консерваторовъ, продолжая либеральными и кончая даже... не во гнѣвъ будь сказано „Вѣстнику русской революціи“!... кончая даже модными „критиками марксизма“, въ аграрномъ вопросѣ). Ну, а затѣмъ еще „запоздали“, конечно, тѣ русскіе соціалдемократы, которые по принципу тащатся въ хвостѣ движенія и занимаются только вопросами, „сулящими осязательные результаты“: не будучи въ состояніи выдвинуть опредѣленную директиву, и въ аграрномъ вопросѣ эти „хвостисты“ даютъ только сильнѣйшее и вѣрнѣйшее оружіе въ руки революціонныхъ несоціал-демократическихъ направленій.

Что касается (в) до „неосуществимости“ въ практическомъ смыслѣ требованія вернуть отрѣзки, то это возраженіе (особенно подчеркнутое Мартыновымъ) — одно изъ самыхъ слабыхъ. Съ вопросомъ о томъ, въ какихъ именно случаяхъ и какъ именно произвести экспропріацію, выкупъ, обмѣнъ, размежеваніе и т. п., крестьянскіе комитеты справились бы при политической свободѣ, вдесятеро легче, чѣмъ составленные изъ представителей меньшинства и дѣйствовавшіе въ интересахъ меньшинства дворянскіе комитеты. Придавать значеніе этому возраженію могутъ только люди, которые привыкли къ слишкомъ низкой оцѣнкѣ революціонной активности массъ.

Тутъ выдвигается четвертое и послѣднее возраженіе. Если уже разсчитывать на революціонную активность крестьянства и выдвигать для него не программу-минимумъ, а программу-максимумъ, тогда надо быть послѣдовательнымъ и требовать крестьянскаго „чернаго передѣла“! „Еслибы мы захотѣли — пишетъ Мартыновъ — найти настоящій классовой лозунгъ для массы малоземельнаго крестьянства, мы должны были бы выставить требованіе чернаго передѣла, но тогда намъ пришлось бы распроститься съ соціал-демократической программой.“

Это разсужденіе основано на смѣшеніи послѣдовательности съ черезчуръ односторонней прямолинейностью.

Вы высказались за одно изъ требованій, осуществляющихъ извѣстные интересы извѣстнаго слоя мелкихъ производителей: значитъ, вы должны покинуть свою точку зрѣнія и перейти на точку зрѣнія этого слоя!! — Вовсе это не значитъ; такъ разсуждаютъ только „хвостисты“, смѣшивающіе выработку программы, соотвѣтствующей широко понятымъ интересамъ класса съ прислужничествомъ этому классу. Будучи представителями пролетаріата, мы тѣмъ не менѣе прямо осудимъ тотъ предразсудокъ неразвитыхъ пролетаріевъ, будто бороться надо только за требованія, „суляшія осязательные результаты“. Поддерживая прогрессивные интересы и требованія крестьянства, мы рѣшительно отклонимъ его реакціонныя требованія. А „черный передѣлъ“, этотъ одинъ изъ самыхъ рельефныхъ лозунговъ стараго народничества, содержитъ въ себѣ именно сплетеніе реакціонныхъ моментовъ. И соціал-демократы десятки разъ твердили, что они вовсе не выкидываютъ за бортъ все народничество съ прямолинейностью одной неумной птицы, а выдѣляютъ изъ него и признаютъ своими его революціонные, его обще-демократическіе элементы. Въ требованіи чернаго передѣла реакціонна утопія обобщить и увѣковѣчить мелкое крестьянское производство, но въ немъ есть (кромѣ утопіи, будто „крестьянство“ можетъ быть носителемъ с о ц і а л и с т и ч е с к а г о переворота) и революціонная сторона, именно: желаніе смести посредствомъ крестьянскаго возстанія всѣ остатки крѣпостного строя. По нашему мнѣнію, требованіе вернуть отрѣзки выдѣляетъ изо всѣхъ противорѣчивыхъ требованій крестьянина именно то, что можетъ дѣйствовать революціонно только въ направленіи всего общественнаго развитія, и что заслуживаетъ поэтому поддержки пролетаріата. Приглашеніе Мартынова „идти дальше“ на самомъ дѣлѣ ведетъ только къ той безсмыслицѣ, чтобы „настоящій“ классовой лозунгъ крестьянства мы опредѣляли съ точки зрѣнія н а с т о я щ и х ъ предразсудковъ крестьянства, а не н а с т о я щ и м ъ о б р а з о м ъ п о н я т ы х ъ интересовъ пролетаріата.

Итакъ разборъ возраженій противъ требованія возвращенія отрѣзковъ убѣждаетъ насъ въ несостоятельности этихъ возраженій. Мы должны выступить съ требованіемъ демократическаго пересмотра крестьянской реформы и именно ея аграрныхъ преобразованій. А чтобы точно опредѣлить и характеръ, и предѣлы и способъ произведенія этого пересмотра, мы должны выдви-

нуть учрежденіе крестьянскихъ комитетовъ съ правомъ экспропріаціи, выкупа, обмѣна и пр. „отрѣзковъ“, посредствомъ которыхъ держатся переживанія крѣпостного хозяйства.

VIII.

Въ тѣсной связи съ четвертымъ пунктомъ проекта нашей аграрной программы находится пятый пунктъ, который требуетъ «предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ». Подобно четвертому пункту и этотъ направленъ противъ кабалы; въ отличіе отъ 4-го пункта онъ требуетъ не единовременнаго пересмотра и преобразованія аграрныхъ порядковъ, а постояннаго пересмотра гражданскихъ правоотношеній. Предоставляется этотъ пересмотръ «судамъ», причемъ имѣется въ виду, разумѣется, не та жалкая пародія на судъ, какой является «институтъ» земскихъ начальниковъ (или хотя бы даже мировыхъ судей, выбираемыхъ имущими классами изъ имущихъ лицъ), а тѣ суды, о которыхъ говоритъ § 16 предъидущаго отдѣла нашего проекта программы. Этотъ § 16 требуетъ «учрежденія промысловыхъ судовъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства»... (значитъ, и въ земледѣліи)... «изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей поровну». Такой составъ суда обезпечивалъ бы и демократизмъ его, и свободное выраженіе различнымъ классовымъ интересамъ различныхъ слоевъ сельскаго населенія. Классовой антагонизмъ не прикрывался бы фиговыми листочками гнилого бюрократизма — этого крашенаго гроба для остатковъ народной свободы, — а выступалъ открыто и ясно передъ лицомъ всѣхъ и каждаго, встряхивая тѣмъ самымъ деревенскихъ жителей изъ ихъ патріархальнаго прозябанія. Полное знакомство съ аграрнымъ бытомъ вообще и мѣстными его особенностями въ частности было бы вполнѣ обезпечено выборностью судей изъ мѣстныхъ же жителей. Для массы крестьянъ, которыхъ невозможно было бы отнести въ разрядъ только «рабочихъ» или только «предпринимателей», были бы установлены, естественно, особыя правила для обезпеченія равномѣрнаго представительства всѣхъ элементовъ сельскаго населенія, причемъ мы, соціалдемократы, безусловно настаивали бы при всякихъ обстоятельствахъ, во-первыхъ, на особомъ представительствѣ сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, какъ бы ихъ мало ни было, и во-вторыхъ, на томъ, чтобы по возможности отдѣльно было представлено маломощное и зажиточное крестьянство (ибо смѣшеніе этихъ разрядовъ не только въ статистикѣ приводитъ къ фальши, но и во всѣхъ областяхъ жизни приводитъ къ угнетенію и оттѣсненію перваго разряда вторымъ).

Компетенція этихъ судовъ предположена двоякая: во-первыхъ, они имѣли бы право понижать арендныя платы, если онѣ «непомѣрно высоки». Уже самыя эти слова программы выражаютъ косвенное признаніе широкой распространенности этого явленія. Гласное и состязательное разбирательство на

судахъ вопроса о высотѣ аренды приносило бы громадную пользу даже независимо отъ рѣшенія судовъ. Пониженія арендной платы (хотя бы эти пониженія были и не часты) съиграли бы свою роль въ дѣлѣ устраненія остатковъ крѣпостничества: извѣстно, что въ нашей деревнѣ аренда носитъ чаще крѣпостническій, чѣмъ буржуазный характеръ, и арендная плата является гораздо болѣе «денежной» (т. е. преобразованной феодальной), чѣмъ капиталистической рентой (т. е. избыткомъ надъ прибылью предпринимателя). Пониженіе арендной платы, слѣдовательно, непосредственно содѣйствовало бы замѣнѣ крѣпостническихъ формъ хозяйства капиталистическими.

Далѣе, во-вторыхъ, суды имѣли бы право «объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ». Понятіе «кабалы» здѣсь не опредѣляется, ибо стѣснять выборныхъ судей въ примѣненіи такого пункта было бы вовсе не желательно. Что такое кабала,—русскій мужикъ слишкомъ хорошо знаетъ! Съ научной же точки зрѣнія, это понятіе объемлетъ всѣ тѣ сдѣлки, въ которыхъ есть элементъ ростовщичества (зимняя наемка и т. п.) или крѣпостничества (отработки за потравы и проч.).

Нѣсколько иной характеръ носитъ 3-ій пунктъ о возвращеніи народу выкупныхъ платежей. Здѣсь не возбуждается тѣхъ сомнѣній насчетъ мелкой собственности, которыя вызываетъ 4-ый пунктъ, но за то возражатели указываютъ и на практическую неосуществимость этого требованія и на отсутствіе логической связи между нимъ и общей частью нашей аграрной программы (—«устраненіе остатковъ крѣпостного права и свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ»). Однако никто же не станетъ отрицать, что именно остатки крѣпостного права, во всей ихъ совокупности, обусловливаютъ тѣ постоянныя голодовки милліоновъ крестьянъ, которыя сразу выдѣляютъ Россію изъ числа всѣхъ цивилизованныхъ націй. Даже самодержавіе вынуждено поэтому создавать особый (совершенно жалкій, разумѣется, и болѣе расхищаемый казнокрадами и бюрократами, чѣмъ идущій на пользу голодающихъ) «фондъ для благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ». Не можемъ и мы не потребовать, въ числѣ прочихъ демократическихъ преобразованій, созданія такого фонда. Противъ этого врядъ ли можно спорить.

Теперь спрашивается, изъ какого источника взять суммы для образованія этого фонда? Насколько мы можемъ судить, здѣсь могли бы указать намъ на прогрессивно-подоходный налогъ: повысить спеціально тѣ ставки, которыя падаютъ на доходы богатыхъ людей, и употребить эти суммы на указанный фондъ. Было бы вполнѣ справедливо, чтобы наиболѣе имущіе члены государства больше всего участвовали въ содержаніи голодающихъ и въ расходахъ на возможное исправленіе бѣдствій, причиненныхъ голодовками.—Мы ничего не имѣли бы противъ такой мѣры, о которой нѣтъ надобности особо говорить въ программѣ, ибо она всецѣло подходитъ подъ требованіе прогрессивно-подоходнаго

налога, упомянутаго въ программѣ особо. Но зачѣмъ же ограничиваться этимъ источникомъ? Почему не попробовать, помимо него, возвратить народу хотя бы часть той дани, которую взимали и продолжаютъ взимать вчерашніе рабовладѣльцы съ крестьянъ при помощи полицейскаго государства? Развѣ эта дань не стоитъ въ самой тѣсной связи съ современными голодовками? И развѣ требованіе вернуть эту дань не сослужитъ намъ самой полезной службы въ дѣлѣ расширенія и приближенія революціоннаго возмущенія крестьянъ противъ всѣхъ крѣпостниковъ и всяческаго крѣпостничества?

Но вѣдь этой дани нельзя вернуть цѣликомъ — возражаютъ намъ. — Справедливо. Но если нельзя уже вытребовать весь долгъ, — отчего бы не взять и части его? Что можно возразить противъ особого налога на тѣхъ крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, которые воспользовались выкупной ссудой? Число такихъ владѣльцевъ латифундій (иногда превращенныхъ даже въ заповѣдныя имѣнія) очень значительно въ Россіи, и ихъ справедливо было бы привлечь къ спеціальной отвѣтственности за крестьянскія голодовки. Еще болѣе справедлива будетъ полная конфискація монастырскихъ имуществъ и удѣльныхъ имѣній, какъ такой собственности, которая всего болѣе пропитана традиціями крѣпостничества, которая служитъ обогащенію самыхъ реакціонныхъ и самыхъ вредныхъ для общества тунеядцевъ, изъемля въ тоже время немалое количество земли изъ гражданскаго и торговаго оборота. Конфискація такихъ имѣній лежала бы, слѣдовательно, всецѣло въ интересахъ всего общественнаго развитія; она имѣла бы непосредственное и громадное политическое значеніе для укрѣпленія демократическихъ учрежденій новой Россіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ она дала бы также и добавочныя средства на помощь голодающимъ.

IX.

Что касается, наконецъ, до первыхъ двухъ пунктовъ нашей аграрной программы, то на нихъ долго останавливаться не приходится. «Отмѣна выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе» (п. I) — есть нѣчто, подразумѣвающееся само собою для всякаго соціал-демократа. Никакихъ недоумѣній относительно практическаго осуществленія этой мѣры тоже не возникаетъ, — насколько мы можемъ судить. Второй пунктъ требуетъ: «отмѣны круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина»... (замѣтьте: «крестьянина», а не «крестьянъ»)... «въ распоряженіи его землей». Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ по поводу пресловутой и приснопамятной «общины». Фактически, разумѣется, отмѣна круговой поруки (эту то реформу г. Витте успѣетъ, пожалуй, осуществить еще до революціи), уничтоженіе сословныхъ дѣленій, свобода передвиженія и свобода распоряженія землей для каждаго отдѣльнаго крестьянина поведутъ къ неизбѣжному и быстрому уничтоженію той фискально-крѣпостнической обузы,

каковой является, на три четверти, современная поземельная община. Но такой результатъ докажетъ только правильность нашихъ взглядовъ на общину, докажетъ несовмѣстимость ея со всѣмъ общественно-экономическимъ развитіемъ капитализма. Этотъ результатъ отнюдь не будетъ вызванъ какой нибудь мѣрой «противъ общины», рекомендованной нами, ибо ни единой мѣры, направленной непосредственно противъ той или иной системы крестьянскихъ поземельныхъ распорядковъ, мы никогда не защищали и не будемъ защищать. Болѣе того: общину, какъ демократическую организацію мѣстнаго управленія, какъ товарищескій или сосѣдскій союзъ, мы безусловно будемъ защищать отъ всякаго посягательства бюрократовъ, — посягательства, столь излюбленнаго врагами общины изъ лагеря «Моск. Вѣдомостей». Никому и никогда не будемъ мы помогать «разрушать общину», но отмѣны всѣхъ учрежденій, противорѣчащихъ демократизму, мы будемъ добиваться безусловно, какое бы вліяніе эта отмѣна ни оказала на коренные и частные передѣлы земли и т. п.: въ этомъ наше коренное отличіе отъ явныхъ и тайныхъ, послѣдовательныхъ и непослѣдовательныхъ, робкихъ и смѣлыхъ народниковъ, которые, съ одной стороны, являются, «конечно», демократами, а съ другой стороны, боятся опредѣлить рѣшительно и недвусмысленно свое отношеніе къ такимъ элементарно-демократическимъ требованіямъ, какъ полная свобода передвиженія и полное уничтоженіе сословности крестьянской общины, а, слѣдовательно, и полная отмѣна круговой поруки, отмѣна всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей.*)

Намъ возразятъ: именно послѣдняя мѣра, освящающая индивидуальную волю каждаго отдѣльнаго крестьянина, и разрушаетъ общину не только, какъ систему передѣловъ и т. п., а прямо даже какъ товарищескій сосѣдскій союзъ. Каждый отдѣльный крестьянинъ, вопреки волѣ большинства, вправѣ будетъ потребовать выдѣла его земли въ особый участокъ. Не противорѣчитъ-ли это общей тенденціи всѣхъ соціалистовъ содѣйствовать расширенію, а не суженію правъ коллективности по отношенію къ индивидууму?

Такое возраженіе было бы неосновательно. Наши требованія не разрушаютъ товарищескаго союза, а, напротивъ, создаютъ на мѣсто архаической (въ дѣйствит. полу-крѣпостной) власти общины надъ мужикомъ — власть современнаго товарищескаго союза надъ свободно вступающими въ него членами; отмѣна круговой поруки должна превратить всѣхъ наличныхъ членовъ крестьянской общины въ свободныхъ совладѣльцевъ извѣстнаго участка земли, — а тамъ какъ уже они будутъ распоряжаться этимъ участкомъ, это ихъ дѣло, это будетъ зависѣть отъ об-

*) На этомъ именно оселкѣ слѣдуетъ испытывать тѣхъ многочисленныхъ въ Россіи радикаловъ (и даже революціонеровъ — изъ „Вѣстника Русской Революціи"), которые склонны сидѣть въ данномъ вопросѣ между двухъ стульевъ

щихъ гражданскихъ законовъ и отъ ихъ спеціальныхъ договоровъ между собою. Что же касается до расширенія правъ коллективности по отношенію къ индивидууму, то соціалисты защищаютъ его только тогда, когда это расширеніе лежитъ въ интересахъ техническаго и соціальнаго прогресса *) Въ такой формѣ, разумѣется, и мы защищали-бы всякій соотвѣтствующій законъ, лишь-бы онъ относился не къ однимъ только мелкимъ собственникамъ, не къ однимъ только крестьянамъ, а ко всѣмъ землевладѣльцамъ вообще.

X.

Въ заключеніе, резюмируемъ тѣ основныя положенія, которыя легли въ основаніе нашей аграрной программы. Всякій, кому случалось работать надъ составленіемъ программы или знакомиться съ деталями ея составленія въ другихъ странахъ, знаетъ, что одну и ту-же мысль можно формулировать самыми различными способами,—намъ важно, чтобы всѣ товарищи, на судъ которыхъ мы отдаемъ теперь нашъ проектъ, вполнѣ спѣлись прежде всего и больше всего относительно основныхъ принциповъ. А тамъ уже тѣ или иныя частныя особенности формулировки не имѣютъ рѣшающаго значенія.

Центральнымъ фактомъ и въ области аграрныхъ порядковъ Россіи мы признаемъ классовую борьбу. Мы строимъ всю свою аграрную политику (а, слѣдовательно, и аграрную программу) на неуклонномъ признаніи этого факта со всѣми послѣдствіями, вытекающими изъ него. Наша главная ближайшая цѣль—расчистить дорогу для свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ, классовой борьбы пролетаріата, направленной къ осуществленію конечной цѣли всемірной соціалдемократіи, къ завоеванію политической власти пролетаріатомъ и къ созданію основъ соціалистическаго общества. Объявляя классовую борьбу своей руководящей нитью во всѣхъ «аграрныхъ вопросахъ», мы тѣмъ самымъ рѣшительно и безповоротно отдѣляемъ себя отъ столь многочисленныхъ въ Россіи сторонниковъ половинчатыхъ и расплывчатыхъ теорій: «народнической», «этико-соціологической», «критической», соціаль-реформаторской, и какъ ихъ тамъ еще звать!

Чтобы расчистить дорогу для свободнаго развитія классовой борьбы въ Россіи вообще и въ русской деревнѣ въ частности, необходимо устранить всѣ остатки крѣпостного порядка, которые теперь прикрываютъ зачатки капиталистическихъ антагонизмовъ внутри сельскаго населенія, не даютъ имъ развиться. И мы дѣлаемъ послѣднюю попытку помочь кресть-

*) Напр., Каутскій признаетъ справедливымъ требовать „ограниченія правъ частной поземельной собственности въ интересахъ г. размежеванія, уничтоженія черезполосицы; 2. повышенія сельско-хозяйственной культуры; 3. предупрежденія эпидеміи. Подобнаго рода совершенно основательныя требованія отнюдь не связаны и не должны быть связываемы съ крестьянской общиной.

янству смести однимъ рѣшительнымъ ударомъ всѣ эти остатки—«послѣднюю» потому, что и самъ развивающійся русскій капитализмъ стихійно творитъ ту же работу, ведетъ къ той же цѣли, но ведетъ свойственнымъ ему путемъ насилія и гнета, разворенія и голодной смерти. Переходъ крѣпостнической эксплуатаціи въ капиталистическую неизбѣженъ и было-бы вредной, реакціонной иллюзіей пытаться задержать или «обойти» его. Но этотъ переходъ мыслимъ также и въ формѣ насильственнаго сверженія тѣхъ крѣпостниковъ-послѣдышей, которые, опираясь не на «власть денегъ», а на традиціи грежней власти рабовладѣнія, высасываютъ теперь послѣдніе соки изъ патріархальнаго крестьянства. Это патріархальное крестьянство, живущее трудами рукъ своихъ при системѣ натуральнаго хозяйства, осуждено на исчезновеніе, но вовсе не «обязательно», не «имманентнымъ» закономъ общественно-экономической эволюціи осуждено на пытки «выколачиванія податей» и розги, на муки вымиранія голодною смертью.

И вотъ, не дѣлая себѣ иллюзій насчетъ возможности процвѣтанія или даже сноснаго существованія мелкихъ производителей въ капиталистическомъ обществѣ (каковымъ все болѣе и болѣе становится Россія), — мы требуемъ полной и безусловной, не реформаторской, а революціонной отмѣны и уничтоженія пережитковъ крѣпостничества, мы признаемъ крестьянскими тѣ земли, которыя отрѣзало у нихъ дворянское правительство, и которыя по сію пору продолжаютъ держать ихъ въ фактическомъ рабствѣ. Мы становимся такимъ образомъ — въ видѣ исключенія и въ силу особыхъ историческихъ обстоятельствъ—защитниками мелкой собственности, но мы защищаемъ ее лишь въ ея борьбѣ противъ того, что уцѣлѣло отъ «стараго режима», и лишь подъ условіемъ отмѣны тѣхъ учрежденій, которыя задерживаютъ преобразованіе патріархальной, застывшей въ своей неподвижности, забитости и оброшенности обломовки: подъ условіемъ созданія полной свободы передвиженія, свободы обращенія земли, полнаго уничтоженія сословныхъ дѣленій. Демократическій пересмотръ государственныхъ и гражданскихъ законовъ Россіи мы хотимъ дополнить демократическимъ, революціоннымъ пересмотромъ пресловутой „крестьянской реформы“.

Руководимый такими принципами аграрной политики, русскій соціалдемократъ, попадая въ деревню, сумѣетъ разобраться въ сложной сѣти тамошнихъ отношеній, сумѣетъ „приспособить“ къ нимъ свою строго-выдержанную революціонную пропаганду и агитацію. Его не застанетъ тогда врасплохъ возможное движеніе крестьянства (кое-гдѣ какъ будто и начинающееся). Онъ не ограничится тѣми требованіями въ защиту сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, которыя подробно изложены въ отдѣлѣ ближайшихъ „рабочихъ“ требованій нашей программы, и которыя, разумѣется, онъ будетъ выдвигать всегда и повсюду. Онъ всегда будетъ въ состояніи также и въ крестьянствѣ подтолкнуть то общедемократическое движеніе,

которое (если суждено ему будетъ въ нашей деревнѣ выйти за предѣлы зародышеваго состоянія) начнется борьбой съ деревенскими крѣпостниками, а кончится—возстаніемъ противъ того могущественнѣйшаго и гнуснѣйшаго остатка крѣпостничества, который зовется царскимъ самодержавіемъ.

Н. Ленинъ.

* * *

Предлагаемая статья была написана до начала крестьянскихъ возстаній на югѣ Россіи весной текущаго года. Принципіальныя положенія статьи вполнѣ подтвердились этими событіями. А о тѣхъ тактическихъ задачахъ, которыя съ особенной силой выдвигаются теперь предъ нашей партіей въ ея „деревенской“ работѣ, мы надѣемся поговорить въ слѣдующій разъ.

Н. Л.